

Информация для цитирования:

Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 490–518. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-490-518.

Golubtsov V. G. Sub 'ektivnaya dobrosovestnost' v strukture obshhego ponyatiya dobrosovestnosti [Subjective Good Faith in the Structure of the General Concept of Good Faith]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 45. Pp. 490–518. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-490-518.

УДК 347.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-490-518

СУБЪЕКТИВНАЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕГО ПОНЯТИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ

В. Г. Голубцов

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Поступила в редакцию 03.02.2019

Введение: добросовестность в гражданском праве понимается в качестве как явления обобщенного, так и предметной категории. В качестве обобщенного понятия его можно определить как универсальный механизм противодействия нечестности в имущественном обороте. В качестве предметного понятия добросовестность познается, исследуется и применяется как понятие, оценочное понятие, основное начало гражданского законодательства, презумпция, предел осуществления гражданских прав, позитивная гражданско-правовая обязанность. Дискуссии на тему о том, что представляет собой добросовестность для российского гражданского права, каково ее правовое наполнение и как она соотносится с требованиями позитивного права, активно продолжаются. При этом необходимо признать, что фактически выпавшим из дискурса является научное понятие о субъективной добросовестности, существующее в законодательстве в виде лексической формулы «не знал и не должен был знать» и иных ее вариантов, что предопределило предмет исследования настоящей статьи. **Цель:** на основе консолидации имеющихся взглядов сформулировать новые теоретические подходы по заявленной проблеме, что поможет как сформировать единообразную судебную практику, так и даст цивилистической теории новые направления исследований категории «добросовестность» и смежных категорий. **Методологическая основа исследования** строится на общенаучном методе научного познания, отражающем связь доктрины и

© Голубцов В. Г., 2019

правоприменения, а также методах диалектики, анализа, синтеза, аналогии, функционального и системного подходов. **Результаты:** в связи с тем, что нормативно закрепленное понятие добросовестности в гражданском законодательстве различается за счет позиционирования ее как в качестве общего требования к поведению участников гражданского оборота, имеющего универсальный характер, так и в качестве специального предписания в отношении поведения в отдельных отношениях, надлежит различать несколько ее «профилей»: 1) объективная добросовестность, сущность которой образует позитивное должностное поведение; 2) субъективная добросовестность, идентифицируемая в случаях нарушения права и необходимости его защиты через законодательный оборот «не знал и не должен был знать». При этом не все специальные случаи употребления в нормативном тексте оборота «не знал и не должен был знать» надлежит рассматривать в качестве субъективной добросовестности. Проведя формально-логический анализ данного понятия, автор констатирует, что в отдельных нормах гражданского законодательства этот оборот имеет конкретное для данной нормы правоустановительное значение и не может использоваться в качестве критерия субъективной добросовестности. Присутствуют в законодательстве также случаи употребления данного оборота, не имеющие отношения к категории добросовестности. Юридическая техника в части использования этого оборота в его разнообразном лексическом написании в законодательном тексте требует самостоятельного теоретического анализа и, как следствие, необходимого совершенствования, так как логика его употребления не всегда является последовательной. Исследуя юридические приемы включения в нормативный текст категорий, имеющих отношение к субъективной добросовестности в национальном европейском праве (раздел договорное и вещное право), автор делает вывод о более упорядоченном и ограниченном использовании оборота «не знал и не должен был знать».

Ключевые слова: добросовестность; универсальное требование оборота; субъективная добросовестность; «не знал и не должен был знать»; неосведомленность; извинительное незнание

SUBJECTIVE GOOD FAITH IN THE STRUCTURE OF THE GENERAL CONCEPT OF GOOD FAITH

V. G. Golubtsov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Received 03.02.2019

Introduction: good faith in civil law is understood both as a generalized phenomenon and as a specific category. As a generalized concept, it can be defined as a universal mechanism of counteracting dishonesty in property turnover. As a specific concept, good faith is studied and applied as a concept, as an evaluative concept, as the basic principle of civil legislation, as a presumption, as a limit of exercising civil rights, as a positive civil duty. There are still ongoing discussions related to what good faith represents in Russian civil law, what its legal content is, and how it complies with the requirements of positive law. At the same time, it is necessary to admit that the discussions actually leave out of consideration the scientific concept of subjective

good faith, which exists in legislation in the form of the lexical formula 'did not know and should not have known' and other variants hereto, which predetermined the research subject of this article. **Purpose:** to formulate new theoretical approaches to the stated problem based on the consolidation of the available views on the issue, which would help both to develop a uniform judicial practice and provide civil theory with the new areas in researching good faith and adjacent categories. **The methodological framework of the research** rests on the general scientific method of scientific cognition, which reflects the connection between the doctrine and the law enforcement practice, as well as on the methods of dialectics, analysis, synthesis, analogy, functional and system approaches. **Results:** the legislatively established concept of good faith varies in civil law due to positioning it both as a general requirement to conduct of the participants of civil turnover, having a universal nature, and as a special regulation concerning conduct in specific relations. In this connection, it is necessary to distinguish between several 'profiles' of good faith: 1. objective good faith, the nature of which forms positive obligation, 2. subjective good faith, identified when there is a violation of the right and therefore a need for its protection through the legislative formula 'did not know and should not have known'. At the same time, not all the special cases of applying this formula in a statutory text should be viewed as subjective good faith. Having performed formal and logical analysis of this concept, the author concludes that in certain civil law regulations this formula has a constitutive meaning specific for the given regulation and cannot be used as a subjective good faith criterion. In the legislation, there are also cases of applying this formula which are not related to the good faith category. The juridical technique of using this formula in statutory texts in various versions of its lexical expression requires an independent theoretical analysis and consequent improvement as the logic of its application is not always consecutive. Investigating the legal methods of including the categories covering subjective good faith into statutory texts in the supranational European law (contract law and property law), the author makes a conclusion about the necessity of a more structured and limited use of the formula 'did not know and should not have known'.

Keywords: good faith; universal requirement of the formula; subjective good faith; did not know and should not have known; unawareness; excusable state

Введение

Реализация законодательных новелл, дополнивших пункт 2 статьи 6 ГК РФ нормами о добросовестности (такими, как п. 4 ст. 1 и п. 5 ст. 10 ГК РФ, п. 2 и 5 ст. 166, п. 3 ст. 173. 1, п. 1 ст. 183, п. 2 ст. 431. 1 ГК РФ), затрагивающих одну из наиболее спорных сегодня категорий ГК РФ, завершена. Начиная с 2013 года это явление стало относиться к числу имманентно присущих российскому гражданскому праву и одновременно его метарежимом. Результатом объявления добросовестности основным началом гражданского законодательства стали резонные ожидания в части перестройки под его реализацию всего массива гражданского права, при этом в сфере научного знания на этот счет появились самые разнонаправленные и обширные комментарии.

Фактически одна ситуация, при которой имело место вкрапление отдельных правил о добросовестности в нормы ГК РФ и признание того, что добросовестность – это один из признанных международно-правовых нормативных принципов, плюс немногочисленные точечные акты высших судебных инстанций России, указывающие на необходимость применения презумпции добросовестности при толковании договоров (постановление Президиума ВАС РФ от 8 февраля 2011 г. № 13970/10 по делу № А46-18723/2008, определение ВАС РФ от 16 марта 2012 г. № ВАС-527/12 по делу № А40-153026/2010-81-1294), сменилась кардинально противоположной. Добросовестность получила полноценную охраноспособность, происходящую из ее закрепления в виде основного начала гражданского законодательства как общего интерпретационного правила, на основе которого

будут дальше совершенствоваться имеющиеся и вырастать новые правовые инструменты частного права.

Доктрина, насыщенная многочисленными трудами о добросовестности разного качества и глубины, не без оснований опасается того, что в неумелых руках этот принцип может причинить большой вред стабильности оборота [23, с. 4–10], в силу наличия в нем элемента субъективной интерпретации [35, с. 32–35]. Однако подобные опасения были и в дореволюционной цивилистике, где нормативные отсылки к добрым нравам именовались «топкими местами» закона (И. А. Покровский) и в постсоветской, когда исследуемая категория признавалась «огромной угрозой всему правопорядку» [61]. Объективности ради следует признать, что эти научные сомнения имели место быть не только в российской доктрине, но и в зарубежных правопорядках. Так, проблема ограничения произвола судов в связи с расширением действия принципа добросовестности тронула в свое время (конец XIX – начало XX в.) Германию и Швейцарию, сформулировавших правила о добросовестности в виде открытых норм, которые наполняются судами.

При этом в числе доктринальных сомнения, относящиеся к свободе судейского усмотрения, далеко не единственные. Есть опасения и другого рода, связанные с привнесением в право мертвых норм [75, с. 41–51], неопределенности [72, с. 129], приемов замены правовых норм [47, с. 74–79], новых проблем применения принципа недопустимости злоупотребления правом [33, с. 36–43].

Очевидно, что правоприменителю, долгое время ориентированному на «факультативный» вариант применения добросовестности, в новых условиях признания за добросовестностью качества принципа гражданского права необходимо будет в первую очередь обеспечить должное соотношение свободы судейского усмотрения с эталонами добросовестности. При этом не исключено, что риск принятия судами нижестоящих инстанций разнонаправленных судебных актов в течение определенного промежутка времени будет повышен.

Дополнительную сложность для правоприменения создает необходимость разграничения ситуаций, когда необходимо видеть добросовестность предметно, разграничивая прин-

цип добросовестности и иные явления – презумпцию, границы реализации гражданских прав, добросовестность в объективном качестве и субъективную.

Неизбежны и трудности судейского толкования, почитающего в большей степени его грамматический вид, которым вряд ли можно обойтись при столкновении в правоприменении с явлением добросовестности/недобросовестности [60, с. 106–109]. К этим трудностям следует добавить также и проблемы межотраслевого употребления понятия добросовестности (добросовестный супруг, добросовестный работник, добросовестный налогоплательщик и др.).

Вне всякого сомнения известные сложности могут возникнуть и в сфере научной и педагогической, где предстоит значительно откорректировать методику, содержание, стратегию и тактику процесса преподавания гражданского права в соответствии с принципом добросовестности. Предстоит неформально задуматься о том, видеть ли в нем «королеву норм» [79, S. 11], общий методологический ориентир, либо достаточно ограничиться изучением добросовестности в известном и уже ставшем ординарном ряду других принципов гражданского законодательства, обратившись к нему однажды в ходе обучения по теме «Осуществление субъективных гражданских прав». И конечно, стоит также весьма остро проблема терминологии, используемой для изучения добросовестности, когда один термин выражает множество ее предметных определений.

Вне зависимости от присутствия тех или иных сомнений необходимо признать, что квалифицированная часть юридического сообщества априори воспринимает добросовестность как вполне уместное и необходимое требование гражданского оборота.

Логика его эффективного функционирования строится на идее о том, что участники имущественных отношений лучше всего урегулируют свои взаимоотношения, если смогут договориться на основе доверия, информирования и сотрудничества, умения сопоставлять индивидуальные интересы с интересами третьих лиц. Именно эти качества транслирует обороту закрепление принципа добросовестности в качестве основного начала. Как справедливо утверждает Д. В. Дождев, добросовестность, «будучи продуктом правового принципа фор-

мального равенства и соразмерности в отношениях обмена, отражает необходимое соучастие субъекта правового общения в формировании и поддержании правовых установок и принципов» [21]. Никакие правовые механизмы не способны компенсировать отсутствие этих внешних условий. По мнению законодателя, пришло время развивать это в поведении участников гражданского оборота. Иное, по выражению Е. А. Суханова, представляет собой «феодалный, примитивный юридический быт» [66, с. 28–37].

Сегодня трудно предугадать, как отразится влияние добросовестности на отечественный правопорядок: это событие может стать как вехой в истории российского права, так и событием незамеченным [74]. Но уже сегодня ясно, что отсутствие ответственности за недобросовестные действия вредит обороту и создает почву для недоверия суду, и в этом одна из причин того, что «возражать против добросовестности – верх недобросовестности» [52].

Так или иначе попытки отыскания удовлетворительного истолкования явления добросовестности в обновленном гражданском законодательстве продолжают. Нельзя не отметить, что внедрение принципа добросовестности в число основных начал гражданского законодательства пошатнуло «соблазнительную легкость» и доктринальное удобство темы добросовестности в гражданском праве. Сегодня эта тема вобрала в свой актив большое количество контекстов, имеющих отношение к принципам гражданского законодательства, презумпциям, различиям критериев добросовестности объективной и субъективной, условиям и основаниям совместимости добросовестности с нормами позитивного права.

Принципиально важной для изучения является, как думается, концепция субъективной добросовестности. Этот аспект пока недостаточно исследован в цивилистике. На сегодняшний момент проблематика субъективной добросовестности больше выглядит как некое дополнение к добросовестности объективной или добросовестности «вообще». Незначительным исключением являются труды, относящиеся к области виндикационных отношений в силу их более длительной истории. Иные аспекты субъективной добросовестности следует отнести к наименее теоретически освоенным.

Концепция субъективной добросовестности в законодательстве и цивилистике

Добросовестность, как определено выше, – явление обобщенное и предметное. В качестве обобщенного его можно определить как универсальный механизм противодействия нечестности в имущественном обороте. В качестве предметного оно познается, исследуется и применяется как понятие, оценочное понятие, основное начало гражданского законодательства, презумпция, предел осуществления гражданских прав, позитивная гражданско-правовая обязанность. В плане предметности законодательный текст дает основания для выделения и других ее конфигураций: добросовестности объективной и субъективной (хотя последняя градация принимается не всеми авторами).

О добросовестности объективной как до 2013 г., так и после написано весьма значительное количество работ. Обращаться к ним специально необходимости, как представляется, нет – достаточно обозначить лишь главное, что значимо для дальнейших рассуждений.

Можно предположить, что возможность утверждений о существовании добросовестности субъективной проистекает из понимания того, что нравственная сторона добросовестности для права не является приоритетной. Об этом в цивилистике уже высказано немало мнений с ссылкой также и к классикам российской цивилистики, отвергавшим это качество добросовестности для права. Разделяя этот взгляд, укажем на его методологическую значимость.

Объективная сторона добросовестности в праве основана не на нравственности как таковой, а на равенстве участников гражданского правоотношения и свободе их волеизъявления. Этот посыл придает добросовестности характер правовой категории, обеспечивая нормативное переплетение добросовестности и права. Нельзя не согласиться с абсолютно обоснованным утверждением Н. Ю. Рассказовой о том, что «для целей правоприменения понятие добросовестности не имеет содержания, отличного от правового. Защита добросовестности – это не защита нравственного идеала, а защита доверия в обороте. Применение принципа добросовестности должно быть основано на объективных стандартах. Это утверждение касается и так

называемой субъективной добросовестности (“не знал и не должен был знать”). Отсутствие единых правил добросовестности опасно для общества» [52].

Согласие с приведенным мнением означает признание добросовестности гражданско-правовой категорией, которая способна отразить в своем содержании то, что стало привычным в «европейской» добросовестности – доверие, сотрудничество, ценность прав и законных интересов контрагента как своих собственных. Соответственно, явное пренебрежение ценностями прав и законных интересов своего контрагента ради ценностей исключительно своих прав и законных интересов будет характеризовать поведение как недобросовестное.

Исторический путь добросовестности как явления, сопряженного с правом, с разной глубиной и обстоятельностью многократно описан как в российской, так и в зарубежной литературе. Логичность обращения к истории в данном случае абсолютно оправдана, поскольку история существования этого правила весьма познавательна для адекватного размежевания добросовестности во всех ее оттенках, множественность которых все чаще становится предметом современных исследований [40; 63, с. 10–25; 77, с. 107–115].

Нет необходимости детально воспроизводить то, что уже качественно и вполне доступно представлено в доктринальном профиле относительно исторического пути добросовестности [4, с. 188–191; 27, с. 112–133; 56, с. 63–72; 39, с. 97–108; 74; 77, с. 111–112] – достаточно зафиксировать лишь краткие выводы, значимые для заявленного в статье предмета исследования. Они таковы.

Основанием появления добросовестности (II в. до н. э.) явился запрос судебной практики, для которой *bona fides* была правилом поведения, зафиксированным в виде вербальных (устойчивых) формулировок; в римской истории добросовестность была скоординирована со справедливостью, добрыми нравами и обычаями; наиболее востребованной к добросовестности в римской истории (по сравнению с владением и приобретательной давностью) была сфера договорного права, где добросовестность трактовалась в качестве мерил действительности договора; сфера применения правила о добросовестности менялась от отдельных видов

договоров к большинству обязательств, дойдя в отдельных правопорядках (Германия, Швейцария) до общей оговорки, получив (в 2002 г.) распространение как на регулятивное, так и на охранительное поведение: важнейшие достижения в вопросе укрепления позиций добросовестности были реализованы в последней реформе обязательственного права Германии, придавшей оговорке о добросовестности характер генерального масштаба контроля содержания договоров (§ 307 ГГУ) [26, с. 8–13]; следуя историческому гену объективно-субъективного характера добросовестности, добросовестность (изначально в немецкоязычной науке) была подразделена на добросовестность объективную и субъективную.

Как в свое время отметил в одном из своих классических трудов Генри Мэн – английский юрист XIX в., нет ни одной европейской страны, которая бы не оказалась «процеженной через римско-правовую науку» [81, с. 248]. Наиболее «тронутой» римским правом оказалась Германия, чье договорное право стало «донором для других европейских стран» [17, с. 5]. Одной из общих оговорок гражданского и торгового права Германии стала добросовестность, на которую всегда ориентировались римляне. Объективная добросовестность получила обозначение через термины «эталон» или «стандарт», характеризующие поведение участников правоотношений [84; 85, с. 675], субъективная добросовестность отражала личные качества субъекта правоотношений.

Одним из первых «немецкую добросовестность» охарактеризовал И. А. Покровский, указавший, что добросовестность как явление юридической жизни стало наделяться двумя взаимосвязанными характеристиками: субъективной (поведение участника правоотношения, характеризующееся знанием или незнанием каких-либо юридически значимых фактов (нем. – *Guter Glaube*), а также объективной – соотнесение добросовестности со справедливостью. Что позволяло судьям при применении в конкретных ситуациях существующих в обществе представлений о должном и недолжном развивать и дополнять право [46, с. 262].

Среди наиболее известных российскому праву европейских правопорядков признаки ограничения себя в нормативной добросовестности проявляют австрийский и французский

правопорядки, которым в силу этого неизвестно деление добросовестности на объективную и субъективную. Если считается, что австрийскому законодателю этот принцип неизвестен, даже несмотря на то, что именно ему присваивается первенство в использовании термина «добросовестность» (Кодекс императрицы Церезии 1766 г.), то концепция добросовестности «по-французски», основанная на нормах естественного права, – это лояльность отношения к контрагенту и обязанность с ним взаимодействовать. Лояльность подразумевает использование необходимых для достижения общих целей средств с проявлением должной осмотрительности¹. Необходимо отметить, что, несмотря на приверженность французского законодателя к стабильности, 10 февраля 2016 г. во Франции был принят Ордонанс № 2016-131 «О реформе договорного права, общего режима обязательств и доказательств обязательств», вступивший в силу с 1 октября 2016 г. Эти изменения расширили границы применения правил о добросовестности. Отныне в обновленной редакции статьи 1104 ФГК содержится установление о том, что «договоры должны согласовываться, заключаться и исполняться добросовестно. Эта норма императивна»². Императивность нормы фактически свидетельствует о признании ее основой договорного правопорядка.

В Российском Своде законов Российской империи понятие «добрая совесть» использовалось для целей толкования сделки (ст. 1538, 1539) [59]. Попытка «вложить» добрую совесть в законодательный текст была предпринята и в Проекте гражданского уложения Российской империи 1809–1814 г. Так, устанавливалось, если словесный смысл вызывал сомнения, то договоры рекомендовалось толковать, согласно § 51, «по намерению их и по доброй совести» [59]. А § 78 Свода законов гласил: «Должник обязан исполнить свое обязательство добросовестно и согласно принятому в деловых отношениях порядку» [59]. Небезызвестны критические высказывания по поводу таких включений в нормативный текст, сделанные И. А. Покровским, именовавшим подобные оговорки в

законодательстве не только «топкими местами», но и «средствами вне законного контроля над осуществлением принципа договорной свободы» [46, с. 262]. Причина такого отношения была отнюдь не в отсутствии у ученого желания видеть гражданский оборот «добрым и справедливым», а в состоянии судебной системы того времени. Она, по откровениям отставного судьи российского Сената, не могла «без кассационных костылей разобраться в самых простых ситуациях судебной практики» [31, с. 100, 102].

В российской цивилистике, теоретическое вычленение объективной и субъективной добросовестности осуществил Б. И. Новицкий [42]. Говоря о добросовестности как известном субъективном состоянии лица, автор определял это явление через знание или незнание фактов» [42]. После революции к вопросу о субъективной добросовестности обращался Г. Н. Амфиатов, рассматривая ее как извинительное заблуждение (незнание, неведение фактов), видя смысл добросовестности в необходимой степени осмотрительности участника гражданского оборота [2, с. 47]. М. М. Агарков, различавший добрую совесть в объективном и субъективном смыслах, указывал, что последняя представляет собой незнание лицом обстоятельств, препятствующих приобретению им того или иного права. В случаях, указанных законом, такое незнание приводит к тому, что лицо, несмотря на препятствующие обстоятельства, все же приобретает соответствующее право – это борьба с прямым или косвенным обманом, с использованием чужого заблуждения или непонимания [1, с. 375–376].

Гражданское законодательство советского периода начиная с 1922 г. не пользовалось понятием «добросовестность». В силу срочности принятия в нем вообще было крайне мало принципиальных положений. Однако положение «буржуазного права о том, что пользующийся своим правом никому не вредит», советским правом было отторгнуто сознательно [18, с. 32–35]. Защите подлежали лишь те права, которые, согласно статье 1 ГК РСФСР, были реализованы в соответствии с их «социально-хозяйственным назначением». От такой формулировки, по высказыванию П. И. Стучки, «составители ГК пребывали в смятении» [62, с. 487].

¹ Cass., 8. 4. 1987, Bull., III, N 88, p. 53, RTD civ. 1988, 122 noted by J. Mestre; Cass., 5. 6. 1968, D., 1970, 453, noted by Ph. Jestaz.

² <http://www.journal-officiel.gouv.fr>.

Исключение доброй совести из системы основополагающих начал послереволюционного права повлияло на характер теоретического осмысления применения механизма недопустимости злоупотребления гражданскими правами. Итоги этого осмысления нашли отражение в первоначальной редакции статьи 10 ГК РФ 1994 г.

В ГК РСФСР 1964 г. говорилось только о добросовестном приобретателе (ст. 152) и недобросовестном владельце (ст. 155). Нормы обязательственного права покоились не на добрых нравах и совести, а на ответственности и риске, разделении этих понятий и дополнении ими друг друга.

С принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. идеи добрых нравов начали проникать в текст законодательных актов, но лишь на уровне презумпции. В пункте 3 статьи 6 Основ было записано «Участники гражданских правоотношений предполагаются добросовестными, поскольку не доказано обратное». Принято считать, что именно презюмируемый оттенок добросовестности стал предпосылкой закрепления в российском праве субъективного понимания добросовестности [55, с. 68–71].

Начиная с 1993 г. в российской правовой культуре начали формироваться конституционные ценности. Согласно части 3 статьи 17 Конституции РФ, при осуществлении прав гражданином не должны нарушаться права и свободы других лиц. Свою ценную лепту стала вносить и деятельность Конституционного Суда РФ, активно разъясняющего базовые идеи нарождающегося законодательства, в том числе и отраслевого. Однако в своей исходной редакции ГК РФ 1994 г. имел совсем немного специальных отсылок к добросовестности: пункт 2 статьи 6 ГК РФ – о выполнении пробелов в законе и договоре, на который суды ссылались крайне редко; нормы из вещного права – статьи 302, 324 ГК РФ. С учетом существовавшего тогда регулирования необходимо констатировать, что оборот не использовал понятия добросовестности как таковой, тем более субъективной.

Современная ситуация абсолютно иная. Правила о добросовестности пронизывают все гражданско-правовое регулирование, находя конкретизацию в установлении запрета на извлечение выгоды или преимущества в резуль-

тате своего недобросовестного или неправомерного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ), в расширении пределов договорного обязательства (п. 3 ст. 1, п. 3 ст. 307 ГК РФ), в обосновании ответственности в виде убытков за некорректные методы ведения переговоров (ст. 434. 1 ГК РФ), в установлении запрета на злоупотребление правом, иначе – на недобросовестное его осуществление (п. 1 ст. 10, п. 4 ст. 450, п. 4. ст. 450. 1 ГК РФ) [14] и др.

Нельзя не признать, что расщепление добросовестности как правового явления на объективную и субъективную стороны существенно осложняет и теоретическую и правоприменительную проблему добросовестности в целом. Актуальные последствия такого утяжеления в нескольких аспектах обозначила в одной из своих статей С. А. Краснова [30, с. 34, 63–67].

Трудности разграничения разных предметных аспектов добросовестности естественно сказываются на категории субъективной добросовестности. Точка зрения о существовании субъективной добросовестности как самостоятельного явления признается не всеми авторами [16, с. 62–68], несмотря на ее глубокие исторические корни и традиции вычленения в российской доктрине разных исторических периодов.

Если говорить о различии между объективным и субъективным, то здесь все общеизвестно. Под «объективным» принято понимать все то, что является внешним по отношению к индивидуальному сознанию. Все то, что существует вне человеческого сознания и независимо от него, имеет объективную основу своего бытия. Поскольку в законодательстве нет четких критериев добросовестности, правопорядок предъявляет эти критерии к отношениям спорящих сторон исключительно посредством деятельности суда. В связи с этим объективная составляющая категории добросовестности формируется казуистически, путем указания на конкретные случаи добросовестного / недобросовестного поведения сторон при участии в правоотношениях.

Под «субъективным» принято понимать сознательное в деятельности общества или человека. Суть субъективного сводится к тому, что оно отражает объективное, порождая в нашем сознании отношение к нему. Добросовестность в субъективном смысле имеет осязаемый

критерий, суть которого – в неосведомленности стороны об определенных обстоятельствах, в ее извинительном незнании. Если неосведомленная сторона докажет суду, что не действовала против правил добросовестности, находясь в состоянии «не знал и не должен был знать», она признается действовавшей добросовестно.

Современный российский теоретический дискурс в субъективную составляющую добросовестности не слишком активен [11, с. 12–14; 30, с. 66; 54, с. 62–69], но научный диалог ведется не без использования опыта правоприменительной деятельности в этом направлении.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I Гражданского кодекса РФ»¹ дано определение добросовестности с применением объективного критерия, куда отнесены любые активные действия лица, учитывающие права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. Существенно то, что, согласно пункту 1 Постановления, суд вправе самостоятельно признавать недобросовестным поведение участника гражданского спора, даже если об этом не просила противоположная сторона, а также выносить на обсуждение обстоятельства, которые, по мнению суда, могут указывать на недобросовестность стороны по делу.

Подобное определение позволяет заключить, что практика обоснованно размежевала недобросовестное поведение и злоупотребление правом. Хочется в связи с этим надеяться, что, как следствие, в суды придет понимание необходимости разграничивать добросовестность во всех ее предметных аспектах. Именно это может стать необходимой предпосылкой для постановки в практике вопроса о том, что представляет собой добросовестность субъективная.

Нет сомнений в том, что любой правопорядок, ориентированный на стабильные рыночные отношения, заинтересован в том, чтобы взаимные отношения сторон были основаны на информированности в части того, что составляет основу их взаимодействия. Выбор вариантов правового решения подобной заинтересованно-

сти не велик. Первое – считать необходимость информированности содержанием других более общих понятий – добросовестности, осмотрительности, разумности, справедливости. Тем более, что тенденция к отказу в судебной защите при недобросовестном поведении проявляется все отчетливее, являясь стимулом для честного поведения контрагентов. Второе – ввести для сторон нормативно позитивную обязанность информирования обо всем том, что влияет на достижение каждой из них той цели, ради которой они установили имущественное правоотношение. Пример именно такой обязанности сегодня заключен в нормы обязательственного права. Ее включение в пункт 3 статьи 307 ГК РФ в совокупности со статьей 307. 1 ГК РФ позволяет однозначно утверждать, что данная обязанность в качестве общей распространяется не только на нормы обязательственного права, но и на нормы корпоративного и реституционного права [5, с. 60–94].

Для целей стабильности гражданского оборота, его эффективности и универсальности законодатель использовал оба пути, так как не все правовые ситуации могут быть поглощены вменением позитивной обязанности. Но если первый прием имеет отношение к объективной добросовестности как общему требованию оборота и ориентирован на регулятивный потенциал правовых норм, то второй, относящийся к категории субъективной добросовестности, в большей степени соответствует охранительным приемам регулирования. Последние должны сработать тогда, когда есть потенциальная угроза субъективному праву или когда оно уже оказалось нарушенным, и лицу, не осведомленному о юридически значимых обстоятельствах, в счет перераспределения бремени доказывания надлежит доказать, что оно не является недобросовестным.

В современной доктрине высказано несколько обобщенных взглядов на сущность субъективной добросовестности. Как отмечает В. А. Волков, «категория добросовестности в своем субъективном смысле (знал, не знал) в гражданско-правовом аппарате является специальной регулятивно-оперативной конструкцией, призванной учитывать интересы гражданского оборота в целом. По своей имманентной сущности к недобросовестным действиям относятся действия субъектов, которые знали (мог-

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

ли или должны были знать) реальные обстоятельства дела, но намеренно реализовали свои права. При этом конструкция “должен был знать” призвана устранить ссылку на фактическое незнание субъекта об определенных обстоятельствах дела» [15, с. 240–250]. А. Я. Рыженков признает, что добросовестность в субъективном смысле зачастую сводится к незнанию субъекта об обстоятельствах, которое в результате приводит к нарушению субъективных прав, если отсутствует вина субъекта (умысел и неосторожность). То есть, по сути, доказывать добросовестность как таковую нет необходимости, достаточно доказать отсутствие недобросовестности [55, с. 68–71]. По мнению Т. Ю. Дроздовой, добросовестность в субъективном смысле относится к внутреннему механизму реализации права и понимается как осознание субъектом правомерности в осуществлении своих прав и исполнении обязанностей [22, с. 13–14]. М. М. Якубчик определяет субъективную добросовестность через отношение лица к конкретным юридическим фактам [77, с. 113]. По В. А. Куликову, добрая совесть в субъективном смысле есть «определенное сознание того или иного лица, как неведение некоторых обстоятельств, с наличием которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия» [32, с. 44–48].

Обобщая определение субъективной добросовестности как явления правового можно утверждать, что это такое поведение лица, которое, несмотря на разумность, осмотрительность, обычную заботливость участника гражданского оборота, принявшего все необходимые меры для получения юридически значимых сведений, тем не менее повлекло за собой состояние неосведомленности о юридически значимых фактах и обстоятельствах, повлияв на его субъективные гражданские права.

Этим определена и генеральная линия современного законодателя. Неосведомленное лицо, доказавшее отсутствие собственной недобросовестности относительно юридически значимых обстоятельств и безвиновно действовавшее или бездействовавшее в то время, когда надо было действовать, без их реального учета, в ретроспективном порядке нуждается как в определенности своего положения, так и в защите своих субъективных прав.

Формально-логическое содержание конструкции «не знал и не должен был знать»

Согласно законодательной терминологии, объективное правило о доброй совести выражается через термин «добросовестность», субъективная добросовестность как извинительное незнание чаще всего выражена через оборот «не знал и не должен был знать».

Эта конструкция в гражданско-правовом аппарате относится к специальным, отражая в своем содержании переплетение субъективных и объективных элементов добросовестности. В общеупотребительном лексическом обороте ее ординарный смысл обычно передается через обобщение «знал – не знал». Оно вовлекается в правовой оборот в тех случаях, когда возникает спор и необходимо обеспечить «сдержку» эгоистических наклонностей одной из сторон правоотношения.

Знание знанию рознь, как и случаи определения потребностей знания/незнания в юридическом поле. Поэтому видоизменяющих и заменяющих формул в законодательстве имеется немало. Попытку их легализации в доктрине со стремлением привести классификацию предпринял В. В. Супрун, включивший в свое исследование большое многообразие «формул неосведомленности» в гражданском праве и законодательстве.

В зависимости от структуры автор выделил простые и сложные формулы неосведомленности. К простым отнесены те, которые состоят из одного субъективного элемента формулы, фиксируемого с помощью словесной конструкции «не знал», «заведомо не зная», «не были заранее известны», «не стало известно», «не был уведомлен». Все они отражают фактическое незнание. К сложным причислены те, которые фиксируются с помощью выражений «не должен был знать», «не мог знать», «заведомо не должен был знать», «не должно было стать известно».

По способу нормативного отражения формулы неосведомленности В.В. Супрун выделил положительные, когда в нормах права объективируется непосредственно незнание и правовые последствия, с ним связанные, и отрицательные [65, с. 62–65].

К правильному выводу о сущности какого-либо явления можно прийти в том случае, если оно сформировалось. По отношению к обороту «не знал и не должен был знать» это преждевременно, слишком высока степень доктринальной критичности по отношению к приведенному законодательному терминопотреблению.

По мнению А. В. Волкова, конструкция «должен был знать» призвана устранить ссылку на фактическое незнание субъекта об определенных обстоятельствах дела. «Квазизнание» предполагает, что при определенных условиях субъект должен был знать об обстоятельствах на 100 % и если он не знал, то это лишь образует его вину в форме грубой неосторожности. «Мог знать» означает более «мягкую» вину (простую неосторожность), где не требуется фактического знания, а достаточно большой вероятности такого знания исходя из фактических обстоятельств дела, а также требований осмотрительности, заботливости, разумности [16].

На неточность, случайность, логическую непоследовательность формулировок в обозначении фактического незнания и извинительных фактов незнания указывают и другие авторы (В.А.Белов, С. Л. Будылин, В. Фомина, М. Ерохова и др.).

На неочевидность законодательной логики в связи с употреблением оборота «не знал и не должен был знать» обращает внимание А. А. Трунин, отмечая, что «железная» логика «мог – значит должен» или «должен – значит мог» вряд ли сама по себе убедительна. Скорее возможность знания следует из обстоятельств дела, в то время как должествование – из голоса совести [69, с. 109–110]. По обоснованному мнению автора, надо видеть различия в ситуациях, когда знание/незнание нуждается в правовой оценке, когда не нуждается, а когда должно быть определенным образом включено в предусмотренное законом должествование. Само наличие фразы «не мог знать» предполагает нечто большее, чем просто пассивность. Однако данная фраза прямо не предполагает и активных действий. Если бы имелась фраза «не мог узнать», то это обязывало бы приобретателя предпринимать активные действия для определения полномочий отчуждателя.

Но представляется, что это было бы неправильно [6, с. 87].

По мнению А. М. Ширвиндта, «не знал и не мог знать» означает добросовестное заблуждение. Здесь закон использует, правда, не совсем точную формулировку: на самом деле речь идет о случаях, когда приобретатель «не знал и не должен был знать» [73, с. 131–133]. А. Егоров полагает, что проблема, требующая вмешательства законодателя, заключается в том, что оборот «не знал и не мог знать» используется там, где напрашивается оборот «не знал и не должен был знать». Автор утверждает, что «буквальное значение речевого оборота “не знал и не мог знать” далеко уходит от значения слов “не знал и не должен был знать”». Если в последнем случае речь идет об известном объективном вменении под углом зрения среднего участника оборота, то в первом случае по букве закона надо было бы разбираться с субъективными возможностями для узнавания того, что вещь отчуждается неуправомоченным лицом [24, с. 7].

Тем не менее практически все авторы сходятся во мнении, что нормативная сущность всех формул остается единой: она отражает состояние невиновного незнания, и это состояние не связано с поиском того или иного жизненного обстоятельства, закрепленного в виде правовой абстракции в нормах действующего права. В этой краткой формуле незнание является центральным понятием, а извинительность – необходимым элементом добросовестности. Даже более того, как утверждает Е. Ю. Самойлов, «в определенном смысле выражения “мог знать” и “должен был знать” дополняют друг друга» [57]. Остальное является делом толкователей и рисков, которые несет буквальное, т. е. широкое, толкование.

Несмотря на отсутствие теоретического разброса при анализе понятий, образующих выражения «не знал и не мог знать», «не знал и не должен был знать», в науке все же имеются уточнения на сей счет. По утверждению А. В. Егорова, оговорка «лицо не должно было знать» является более значимой по смыслу, чем оговорка «лицо не знало». По сути, законодательство в некоторых ситуациях вменяет лицу в обязанность в определенной ситуации знать что-то, чего оно в действительности могло и не

знать. То есть законодатель исходит из того, что любое добропорядочное лицо при разумном поведении в данной ситуации должно было бы знать о неких фактах [23]. Все это показатель того, что абстрактный формализм конструкции «не знал и не должен был знать», существующий в гражданско-правовой науке в тесном окружении с учением о добросовестности, по понятным причинам нуждается в законодательных уточнениях, в первую очередь с точки зрения правил юридической техники.

Пока же существующий терминологический разнобой можно частично оправдать тем, что, как выразился Д. В. Дождев, «мы пока не знаем что такое добросовестность и принимаем ее интуитивно»¹. Видимо, не без этого, квалифицируя одни и те же виды отношений с позиций субъективной добросовестности, суды в аналогичных случаях употребляют разные выражения: то «не мог знать и не знал», то «не знал и не должен был знать»².

Но если уж тронуть нормативную историю (примечание к ст. 60 ГК РСФСР 1922 г., ст. 28 Основ гражданского законодательства СССР и республик 1961 г., ст. 152 ГК РСФСР 1964 г., п. 1 ст. 54 Основ гражданского законодательства СССР и республик 1991 г.), то можно увидеть лишь одно единственное выражение – «должен был знать». Учитывая современные взгляды, заключающиеся в том, что смысловая сущность выражений «не мог знать и не знал» и «не знал и не должен был знать» едина, необходимо обратиться к ретроспективе взглядов.

Неосведомленность лица как правовое состояние: доктринальный взгляд

В юридическом значении термина «неосведомленность» не существует. Из его словарного определения вытекает, что оно отражает то состояние лица, которое выражается в отсутствии у него каких-либо сведений; иными словами, лицо является неинформированным в отношении чего-либо.

Скоординировать общеупотребительное понятие неинформированности (неосведомленности) с оборотом «не знал и не должен был знать» означает определить правовые последствия неинформированности и при необходимости перераспределить бремя доказывания спорящих сторон. Собственно, в этом и состоит одна из причин того, что неинформированность стала предметом, хотя и не частого, доктринального внимания со стороны цивилистов. По утверждению В. В. Супруна, неинформированность представляет собой состояние неосведомленности субъекта правоотношений относительно каких-либо юридически значимых обстоятельств, а потому действовавшего без реального учета этих обстоятельств [28, с. 126–135; 64; 65, с. 62–65].

Термин «состояние» не слишком привычен для российской цивилистики в качестве основания, влекущего собственные правовые последствия. Более привычна опора на разумно консервативное учение о юридических фактах, классифицируемых по признаку воли. Но при изучении юридических фактов все чаще и отчетливее возникает тема юридических состояний, чье влияние на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей не исключается в науке, а потому в той или иной мере современная наука также обращается и к теории юридических состояний [3, с. 4711–4715; 41; 49; 51, с. 187–191; 53, с. 63–65; 70, с. 65; 71; 78, с. 76; 76].

Тема далеко не бесспорная по той причине, что влечет за собой некую корректировку устоявшейся теории юридических фактов. И тем не менее, не без усилий теоретиков права, она постепенно начала входить в учебную литературу по теории государства и права. Как отмечает в из современных учебников Б. В. Исаков, перу которого принадлежит основательный теоретический труд о юридических фактах в советской юриспруденции, «юридический факт должен прежде всего адекватно отражать социальную ситуацию, подлежащую правовому регулированию. По отношению к социальной ситуации юридические факты выполняют двойную функцию: во-первых, идентификационную, поскольку они призваны точно обозначить социальную ситуацию, обеспечить ее фиксацию в правовом регулировании; во-вторых, разграничительную, состоящую в том, что юридические

¹ www.postnauka.ru/video/10778.

² См., например, определения Верховного Суда РФ: от 19.12.2016 № 307-ЭС16-16605 по делу № А66-12186/2015 – приобретатели «не знали и не могли знать»; от 16.03.2017 № 307-ЭС17-1559 по делу № А66-12187/2015 – «лицо не знало и не должно было знать».

факты очерчивают рамки ситуации, позволяют ограничить ее от похожих, но юридически не тождественных ситуаций [68, с. 360].

Не остается без внимания категория «состояния» и в учебной литературе по гражданскому праву, где они прямо называются в числе юридических фактов, именуясь их разновидностью [19, с. 69], либо трактуются как правоотношение [20, с. 91].

Одна из современных научных попыток предметного и аргументированного подхода к правовым состояниям предпринята В. А. Беловым, указавшим, что за основу типичного юридического представления о юридических фактах всегда полагалась категория одномоментности действия или события. Однако наряду с одномоментными обстоятельствами в виде юридически значимых социальных процессов (событий и действий) существуют не учтенные теорией юридических фактов юридические состояния в виде юридически значимых свойств лиц, юридические обстоятельства как юридически значимые свойства благ, различные заменители (суррогаты) фактических обстоятельств, существующие в виде фикций, презумпций, документов [9, с. 12].

На самом деле состояния не видятся уж столь безликими явлениями в числе оснований возникновения, изменения и прекращения правовых отношений. Будучи отличными от действий или событий, состояния занимают особое место в структуре и системе юридических фактов гражданского права. Несмотря на то, что общепринятая система юридических фактов не позволяет определить им собственное место, мы, тем не менее, рассмотрим состояние неосведомленности в контексте теории состояний.

Понятно, что речь пойдет об извинительной неосведомленности, которая является синонимом добросовестности. Но сначала о видах правовых последствий, которые могут наступить в связи с установлением состояния извинительной неосведомленности. Они многообразны в силу того, что состояние неосведомленности может возникнуть применительно ко всем разновидностям гражданско-правовых отношений. Так, по статье 173 ГК РФ, сторона в сделке не знала или заведомо не должна была знать о ее незаконности; согласно пункту 2 статьи 189 ГК РФ, лицо, которому выдана доверенность, не узнало или не должно было узнать

о ее прекращении. В этом же разряде нормы статьи 174 ГК РФ, пункта 3 статьи 382 ГК РФ и др.

Наиболее традиционным, пришедшим из далекой истории, является состояние неосведомленности, относящееся к нормам вещного права, указанным в статьях 302 и 324 ГК РФ. В первом случае содержание незнания образует факт неуправомоченности отчуждателя имущества по сделке. Установление этого состояния на стороне приобретателя влечет за собой сохранение субъективного вещного права у неосведомленного лица. Аналогичные последствия, однако, не проистекающие из двусторонней сделки, возникают и при установлении субъективного права у добросовестного приобретателя, по статье 324 ГК РФ. С учетом действующей презумпции добросовестности неосведомленные лица не обязаны доказывать свою добросовестность. Но на них лежит бремя доказывания того, что они не являются недобросовестными.

Презумпция добросовестности присутствует и в нормах статьи 220 ГК РФ, также допускающей факт извинительного незнания как состояние неосведомленности. Однако для целей исключения недобросовестности состояние неосведомленности должно существовать с момента поступления материала во владение переработчика и до завершения создания новой вещи.

Состояние извинительной неосведомленности влечет также и иные последствия. Эти последствия В. В. Супрун обозначил общим понятием «стабилизация правового положения» [64, с. 23].

Отталкиваясь от этого авторского критерия, можно вычленивать такие последствия состояния неосведомленности лица, как компенсационные имущественные последствия, наступающие, по нормам пункта 1 статьи 461 ГК РФ, при изъятии товара у покупателя третьим лицом по основаниям, возникшим до исполнения договора купли-продажи. Продавец обязан возместить покупателю понесенные им убытки, если не докажет, что покупатель знал или должен был знать о наличии этих оснований. Аналогичные последствия наступают по статье 903 ГК РФ, согласно которой поклажедатель обязан возместить хранителю убытки, причиненные свойствами сданной на хранение вещи, если

хранитель, принявший вещь на хранение, не знал и не должен был знать об этих свойствах. Другими последствиями являются: предоставление неосведомленной стороне права требовать изменения или расторжения договора; признание недействительным его части либо перевода прав и обязанностей по договору (например, ст. 562 ГК РФ); исключение ответственности неосведомленной стороны и (или) возложение ее на другое лицо (например, ст. 39 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»); сохранение существующего правового положения неосведомленного субъекта (например, ст. 45 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»); ограничение ссылки контрагента неосведомленной стороны на оставшиеся скрытыми обстоятельства или допускающие отказ в удовлетворении требований контрагента (например, ст. 1202 ГК РФ).

Названное выше разнообразие правовых последствий позволяет считать состояние неосведомленности одним из юридических фактов, изменяющих правоотношение. В качестве самостоятельных они выступают не столь часто, однако частью сложных фактических составов являются нередко. Необходимо, думается, развить доктринально теорию правовых состояний до должного науковедческого уровня. Актуальность этого вопроса диктует в том числе и проблематика субъективной добросовестности в гражданском праве.

Заключая теоретические суждения о теории состояний в праве, мы присоединяемся к точке зрения А. В. Пермякова, согласно которой сегодняшнее решение указанной проблемы видится в том, чтобы признать привычную и традиционную классификацию юридических фактов по волевому критерию классификацией не первого, а второго уровня. На первичном уровне все юридические факты должны быть разделены на факты однократного действия, которые исчерпываются в однократном акте правового воздействия, и факты многократного действия (состояния), которые не исчерпываются в актах правового воздействия, а продолжают существовать. А вот на вторичном уровне уже применим волевой критерий, в рамках которого все акты однократного действия могут быть подразделены на действия или события [45, с. 73–79]. Состоянию неосведомленности в числе оснований для возникновения правовых

отношений належит быть в первом уровне. Утверждение такого теоретического подхода и его дополнительное доктринальное обоснование будут подспорьем для практики правоприменения, обязанной в случае спора со ссылкой на оборот «не знал и не должен был знать» устанавливать состояние неосведомленности, стремясь в процессе разбирательства спора квалифицировать его как извинительное или недобросовестное.

Заметим, что волевой критерий также применим и к состояниям. По волевому критерию они могут быть подразделены на возникающие в силу действий и возникающие в силу событий. В свою очередь, такие действия или события, которые приводят к возникновению состояний, есть юридические условия, так как влекут движение гражданских правоотношений опосредованно (косвенно), путем создания состояний, которые, в свою очередь, приводят к возникновению правоотношений.

Состояние неосведомленности надлежит отличать от юридического состояния заблуждения, несмотря на близость этих состояний, так как состояние неосведомленности в определенной степени – это, как и заблуждение, фактическая ошибка.

Теоретические построения, относящиеся к категории «заблуждение», не столь просты и далеко не бесспорны [25, с. 11–12; 28, с. 125–135; 34, с. 184; 44, с. 94–98]. Заблуждение относится к одному из состояний лица при совершении сделки, при последующем установлении которого сделка может быть признана недействительной. Существенные виды заблуждения названы в статье 178 ГК РФ. Во-первых, заблуждение относительно природы сделки; во-вторых, относительно тождества ее предмета; в-третьих, относительно таких качеств предмета сделки, которые значительно снижают возможности его использования по назначению. Для состояния заблуждения характерны собственные признаки (свойства): оно напрямую влияет на формирование позиции участника гражданских правоотношений, его отношение к сделке, возможное поведение в рамках гражданских правоотношений и выбор условий, при которых сделка для указанного лица будет иметь место; указанное влияние носит отрицательный характер, так как не приводит к достижению участником гражданских правоотно-

шений того правового результата, который должен быть достигнут исполнением сделки; заблуждение может стать следствием сознательных действий контрагента; заблуждение имеет место в силу случайных обстоятельств: недостаточной юридической грамотности контрагента, неумения или невозможности правильно воспринять те или иные фактические обстоятельства, чрезмерного доверия к другой стороне, но может стать и следствием сознательных действий контрагента. Все эти признаки заблуждения – свидетельство того, что заблуждение является самостоятельным правовым состоянием, возникающим, как правило, в силу случайных обстоятельств, носящим длящийся характер, заключающимся в неверном представлении об элементе правоотношений, явившимся причиной несоответствия действительной, внутренней воли указанного лица ее внешнему выражению (волеизъявлению), тем самым отражающим наличие конфликта между участниками гражданских правоотношений. Отсюда вывод: состояние заблуждения – это самостоятельное юридическое основание для изменения и (или) прекращения гражданских правоотношений, не имеющее юридического тождества с неосведомленностью как проявлением субъективной добросовестности.

Правовая квалификация субъективной добросовестности при доказывании факта «не знал и не должен был знать»

Во всех случаях, когда незнание о юридически значимых обстоятельствах становится причиной определенных правовых последствий, заинтересованному лицу в случае возникновения спора надлежит доказать незнание об определенных фактах. Лишь после этого факт незнания подлежит последующей правовой квалификации со стороны суда на предмет установления извинительного или недобросовестного поведения лица. В связи с этим актуален вопрос о том, что именно, какие юридически существенные обстоятельства не знало заинтересованное лицо, насколько их незнание повлияло на его действие или бездействие и каковы правовые последствия этого незнания.

Как показывает весьма обширный анализ судебных актов низших инстанций, попытка считать точкой отсчета в квалификации субъ-

ективной добросовестности (извинительного незнания) обязанность лица быть осмотрительным и внимательным сопутствует многим судебным решениям, отказывающим лицу в иске. Между тем эти качества не являются ни элементом объективной добросовестности (поскольку относятся к чисто психологическим качествам личности), ни субъективной. Никто не способен обязать лицо быть внимательным, осмотрительным, заботливым. В лучшем случае это удел тех же психологических рекомендаций.

Принято, тем не менее, считать, что лицу, при вступлении в правовые отношения на помощь должны приходиться обычная осмотрительность и обычная степень внимательности. Небезынтересна в связи с этим позиция Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу. Так, по мнению высшей судебной инстанции, обращение к реестру прав на недвижимое имущество само по себе не может свидетельствовать о добросовестности приобретателя недвижимости. Пока потенциальный покупатель не примет «разумных мер» для выяснения правомочий продавца на отчуждение жилого помещения (принадлежность квартиры продавцу может быть проверена сотрудниками риэлторского агентства, работниками банка при выдаче ипотечного кредита). Кроме того, как считает Верховный Суд РФ, свидетельствовать о добросовестности может и то, производил ли гражданин, полагаящий себя добросовестным приобретателем, осмотр жилого помещения до его приобретения, или иные факты, обусловленные конкретными обстоятельствами дела. Совокупность этих действий приобретателя дает основания полагать его добросовестным и надлежаще информированным, в ином случае он не может считаться добросовестным¹.

Трудно признать такую позицию Верховного Суда РФ в полной мере обоснованной по той причине, что она фактически рекомендует всем приобретателям самостоятельно бороться с обманами и другими противоправными дей-

¹ *Обзор* судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верхов. Суда Российской Федерации 1 окт. 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ствиями. Плюс резко разводит границы частного и публичного, формируя позицию, согласно которой публичное – это данные Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество, а частное – все то, что касается отношений продавца и покупателя. Однако в этом случае приобретатель недвижимости может быть признан недобросовестным, если будет полагаться только на данные Единого реестра, что, как думается, не очевидно, вследствие чего границы осмотрительности, внимательности и информационной аккуратности во многом стираются и становятся неопределенными.

Вопрос о границах частной осмотрительности для судов при разбирательстве споров остается невыясненным. Попытку обозначить теоретические и практические границы требуемой осведомленности предприняла Л. Ю. Михеева с одновременной постановкой вопроса о том, как действует формулировка «не знал и не должен был знать» в условиях всеобщей онлайн-доступности информационных ресурсов? [43] Понимая, что универсального ответа на все возможные случаи возникновения состояния неинформированности не отыскать, автор в итоге апеллирует к принципу состязательности сторон в гражданском судопроизводстве, указывая, что в условиях открытости и доступности многих онлайн-ресурсов, тем не менее, суду в любом случае надлежит ретроспективно разобраться с тем, «знал или не знал» контрагент о дефектах сделки, отзыве доверенности, о факте залога движимого имущества и т. д.

Не столь простым выглядит вопрос о субъективной добросовестности также и в делах по спорам о дефектах сделки, связанной с отчуждением такого объекта недвижимости, как земельный участок. Здесь также во главе угла с точки зрения информированности – Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество вкупе с кадастровыми делами. Согласно пункту 3 статьи 37 ЗК РФ, недействительными являются такие условия договора купли-продажи земельного участка, как предоставление продавцом заведомо ложной информации: об обременениях земельного участка и ограничениях его использования в соответствии с разрешенным использованием; о разрешении на застройку данного земельного участка; об использовании соседних земельных участков, оказывающем существенное воздей-

ствие на использование и стоимость продаваемого земельного участка; о качественных свойствах земли, которые могут повлиять на планируемое покупателем использование и стоимость продаваемого земельного участка; иной информации, которая может оказать влияние на решение покупателя о покупке данного земельного участка и требования о предоставлении которой установлены федеральными законами. Таким образом, в случае сокрытия продавцом земельного участка информации об обременениях указанного земельного участка и ограничениях его использования покупатель вправе требовать уменьшения покупной цены или расторжения договора купли-продажи земельного участка и возмещения причиненных ему убытков. Однако наличие этих норм не отменяет проблем доказывания того, что приобретатель был добросовестным¹.

Следует признать, что конкретными законодательными предписаниями перечень необходимой информации для всех ситуаций вряд ли возможно установить. Даже со ссылкой на наличие разнообразных информационных сервисов, сайтов, веб-сайтов, электронных библиотек, электронных баз данных со всей их нерасходуемостью и неисчерпаемостью. В связи с этим Верховный Суд РФ выработал наиболее обобщенный подход к пониманию субъективной добросовестности, указав, что судам, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации².

Не все проблемы, имеющие отношение к вопросам субъективной добросовестности, являются одинаково универсальными, есть и достаточно специальные. Так, одним из специфических кейсов судебной практики применительно к вопросу о субъективной добросовестности являются споры по статье 1155 ГК РФ,

¹См.: определение Калужского областного суда от 06.05.2013 г. по делу № 33-1100/2013).

² *О применении* судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

закрывающей в своем содержании формулу «не знал и не должен был знать».

Как известно, розыск наследников, начиная с 2019 года ведется через официальный сайт Федеральной нотариальной палаты, содержащий информацию об открытых наследственных делах и наследодателях. Обязанности искать и находить информацию на этом сайте у наследников нет, как и нет обязанности у нотариуса, открывающего наследственное дело, разыскивать наследников, если сведения о месте их жительства отсутствуют. Но принцип добросовестности, обязывающий любое лицо действовать добросовестно при приобретении субъективных прав, включая и права наследственные, диктует вывод о том, что добросовестное приобретение подразумевает совершение данного действия таким образом, чтобы при этом никому не причинялся вред и не создавалось угрозы его причинения. На практике это означает, что сонаследники обязаны принять всевозможные действия по установлению места нахождения других известных им наследников, в противном случае их действия по вступлению в наследство расцениваются как недобросовестные исходя из того, что они понимают, что получают большую долю наследства за счет отсутствующего сонаследника. При этом судебная практика свидетельствует об ином подходе, указывая, что наследники, принявшие наследство, не обязаны давать правдивую и точную информацию о наличии сонаследников¹.

Между тем, ситуация незнания наследника о смерти наследодателя в силу уважительных причин, связанных с личностью наследника, не столь редкая в судебной практике. Поэтому в статье 1155 ГК РФ использован оборот «не знал и не должен был знать».

В практике судов по наследственному законодательству, в которой новые правила, являющиеся по отношению к его нормам внешними, как правило, начинают применяться позднее; сегодня множество случаев инертного отношения или простого игнорирования формулы «не знал и не должен был знать». Большинство нижестоящих судов игнорируют эту уважительную причину в предмете заявленного

иска и, соответственно, неверно определяют предмет доказывания и его бремя. Суды погружаются в выяснение отношений наследников между собой и прижизненных отношений наследодателя и наследников. Преобладает стремление установить не состояние неосведомленности о смерти наследодателя и пропуска именно по этой причине срока для принятия наследства, а иные уважительные причины, поименованные в статье 1155 ГК РФ и в пункте 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. «О судебной практике по делам о наследовании»². В обоих актах использован союз «или», а его смысловое употребление в данном акте обобщения судебной практики аналогично статье 1155 ГК РФ, согласно которой наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства *или* пропустил этот срок по другим уважительным причинам³.

С учетом изложенного необходимо признать, что доказать уважительность причины в виде «не знал или не должен был знать» довольно сложно – примеры этого достаточно немногочисленны⁴.

Подобный подход поддерживается теорией наследственного права, вероятно, пока не воспринявшей однозначно теорию наследственной добросовестности вообще и субъективной в частности. Общий лейтмотив большей части комментариев, даваемых к пункту 1 статьи 1155 ГК РФ опирается на застывшую сентенцию о том, что «срок принятия наследства подлежит восстановлению судом при условии, что наследник докажет уважительность причин его пропуска» [10; 67]. Исключением из этих утверждающих и не в полной мере дифференцированных суждений можно считать выводы Н.И. Марышевой и К. Б. Ярошенко. Авторы однозначно констатируют, что «в п. 1 ст. 1155 ГК РФ названа основная, наиболее распространенная причина пропуска срока, которая признается уважительной, если наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства, т. е. о смерти наследодателя. Суд может признать уважительными и другие причины, если

¹ См.: апелляционное определение Свердловского областного суда от 22.08.2018 г. по делу № 33-13703/2018).

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

³ Там же.

⁴ См. апелляционные определения: Самарского областного суда от 07.10.2015 г. № 33-11140/2015; Московского городского суда от 12.12.2016 г. по делу № 33-44879/2016).

именно эти причины препятствовали принятию наследником наследства в течение всего установленного законом для принятия наследства срока (п. 40 постановления Пленума ВС РФ № 9)» [29]. Однако подчеркнем, что такой теоретический подход к анализу положений статьи 1155 ГК РФ пока является исключением.

В российском законодательстве не так много примеров адекватного решения вопроса об информированности сторон в правоотношении, отталкиваясь от которых можно было бы уличить притязающее на неосведомленность лицо в недобросовестности. Исключением, пожалуй, можно назвать статьи 8–12 закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹, пункт 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами по спорам по делам о защите прав потребителей»².

Для остальных случаев указания законодателя о том, какая информация должна быть предоставлена в силу принципа добросовестности и в каком объеме, отсутствуют. Все эти случаи становятся исключительно предметом судебного усмотрения, итоги которого не всегда, как указано выше, единообразны.

Основанием для обращения к категории субъективной добросовестности в вещном праве по-прежнему остаются ситуации добросовестного приобретения вещи и признание права собственности по приобретательной давности. Как небезосновательно отметил А. М. Ширвиндт, обращение к институту добросовестности в названных нормах – это «инструмент смягчения формализма закона, ограничения общих абстрактных правил, которые установлены для типизированных отношений и которые иногда не срабатывают в конкретной ситуации. Иными словами, здесь мы смотрим на добросовестность как на гибкий механизм, к которому может прибегнуть правоприменитель, когда та правовая цель, ради которой установлены общие правила, не достигается. Применение нормы самой по себе может привести к неправомерному результату, нежелательному с точки зрения правовой системы, и доб-

росовестность выступит тогда ориентиром для толкования закона» [74, с. 242].

Согласно статье 302 ГК РФ, под добросовестностью, исходя из смысла указанной статьи, понимается субъективное отношение лица к происходящим событиям, а именно: что это лицо – приобретатель – не знало и не могло знать о незаконности своего владения и неуправомоченности отчуждателя. Вопрос о распределении бремени доказывания «не знал и не должен знать» на момент совершения сделки лежит на приобретателе. Так было определено в абзаце 1 пункта 38 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»³. Однако практика сталкивалась с ситуациями, когда признание приобретателя добросовестным только при условии доказанности определенных обстоятельств противоречит общей презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений (п. 5 ст. 10 ГК РФ), а потому иногда «сворачивала» с пути, рассматривая добросовестность приобретателя с позиции презумпции добросовестности, перенося бремя доказывания на истца⁴.

Тонкости давностной добросовестности отражены в статье 234 ГК РФ и нашли отражение в абзаце 3 пункта 15 постановления № 10/22 – давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности. Как и при добросовестном приобретении, лицо признается добросовестным, если владелец не знал и не должен был знать о том, что он не является собственником [7, с. 39].

Доктринальное отношение к этим установлениям оказалось неоднозначным. По мнению одних авторов (Е. А. Суханов, И. К. Скловский), категория субъективной добросовестности с формулой «не знал и не должен был знать» в данном случае неуместна. Другие ав-

¹ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15, ст. 766.

² Российская газета. 2012. № 156.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 7.

⁴ Постановление ФАС Московского округа от 15 июня 2006 г. № КГ-А41/4238-06 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Судебная практика].

торы, опираются на презумпцию добросовестности, полагая, что, например, завладение бесхозяйной недвижимостью опирается на прямое разрешение закона, т. е. признается правомерным, а потому добросовестным [36, с. 52].

Несмотря на то, что конструкция «не знал и не должен знать» присутствует в значительном числе норм, установление субъективной добросовестности имеет место только в тех случаях, когда речь идет о нарушении права лица. Если законодательное установление о «знал или должен был узнать» связано с установлением последствий, не относящихся к нарушению права, то субъективную добросовестность не требуется устанавливать или констатировать. Примером таких специальных случаев является пункт 2 статьи 189 ГК РФ, согласно которому «...права и обязанности, возникшие в результате действий лица, которому выдана доверенность, до того, как это лицо узнало или должно было узнать о ее прекращении, сохраняют силу для выдавшего доверенность и его правопреемников в отношении третьих лиц». Субъективная добросовестность оказывается востребованной лишь к оставшейся части приведенного правила, а именно: «это правило не применяется, если третье лицо знало или должно было знать, что действие доверенности прекратилось».

Субъективная добросовестность по правилам наднационального европейского частного права

Включение возможностей компаративистского подхода позволяет увидеть, что имеются существенные различия в вопросах о сфере действия принципа добросовестности, его доктринального толкования. Сложилась определенная традиция в его применении, не без влияния исторических особенностей правовых систем. Но ширящееся сотрудничество и взаимодействие правовых систем постепенно сглаживает эти особенности, что влечет за собой формирование единых принципов правовых отношений по поводу имущества.

Источником современных представлений о путях развития европейского частного права являются европейский правовые установления, ориентированные на сближение, гармонизацию и координацию норм национального частного права. Эти акты являют собой результат акаде-

мического взаимодействия ученых разных стран. Имея доктринальный статус «интеллектуального продукта, отражающего современный уровень гражданско-правовой мысли» [13, с. 58], они ориентируют другие страны континента на общеевропейские установления по вопросам договорного права, а странам с не до конца устоявшимся законодательством в этой сфере указывают направления его совершенствования и развития.

В числе таких документов – принципы, определения и модельные нормы европейского частного права: Проект общей справочной системы (Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference [DCFR]) 2009 г. в двух русскоязычных переводах, выполненных Б. И. Пугинским и А. Т. Амировым [50, с. 154–225] и авторским коллективом, руководимым Н. Ю. Рассказовой [37]; Кодекс европейского договорного права – European Contract Code (ECC) 2001–2007 стал общедоступным благодаря переводу В. А. Белова [8].

В DCFR добросовестность представлена как психическое отношение, характеризующееся честностью и отсутствием осведомленности о том, что истинное положение дел не соответствует видимости. Используемый в DCFR термин «добросовестность и честная деловая практика» означает стандарт поведения, который характеризуется честностью, открытостью и уважением интересов другой стороны сделки или соответствующего правоотношения [38, с. 885].

Основное содержание Модельных правил образуют книги 1–3, которые считаются общей частью правил, и часть специальная, состоящая из книг 4–7.

В книге I «Общие положения» с использованием оценочных понятий даны определения добросовестности, честной деловой практики, разумности. Термином «добросовестность и честная деловая практика» поименовано понятие, обозначающее стандарт поведения, характеризующийся честностью, открытостью и уважением интересов другой стороны сделки или соответствующего правоотношения. Поведением, противоречащим добросовестности и честной деловой практике, является, в частно-

сти, поведение, не соответствующее предшествующим заявлениям или поведению стороны, при условии, что другая сторона, действуя себе в ущерб, разумно положила на них [38, с. 885]. Место размещения этих определений, открывающих первую книгу Модельных правил, свидетельствует о том, что речь, по сути, идет о той генеральной оговорке, с учетом которой европейскому частному праву предстоит функционировать.

В правилах есть указание на разумность. Она должна быть установлена объективно, с учетом природы и цели совершаемого действия, обстоятельств дела, а также соответствующих обычаев и сложившейся практики. Формулировка принципа разумности не исключает его соотношения с принципом добросовестности и честной деловой практики как формы (добросовестность) и содержания (разумность). Термин «объективно» указывает на то, что он ближе к добросовестности как требованию к поведению субъекта, т. е. добросовестности объективной, имея расчет на среднего субъекта, действующего в обычных обстоятельствах.

Понятие «принцип» в Модельных правилах используется в нескольких значениях. Одно состоит в придании принципам значения норм, не обладающих силой закона. Это предопределено учетом актов, содержащих нормы международного права: Принципов Европейского договорного права (PECL) [82, с. 561]; части 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., согласно которой договор должен толковаться добросовестно, в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора [58]; Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г., где зафиксировано, что правила толкования договора, предусмотренные данной Конвенцией, должны пониматься посредством общего принципа о необходимости соблюдения добросовестности в международной торговле (ст. 7)¹; Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА (ст. 1. 7 (1) [48].

Второе значение принципов заключается в их самостоятельной применимости для толкования и применения Модельных правил. Такие принципы сформулированы в статье I.-1:102, согласно которым: «(1) Настоящие правила должны толковаться и применяться как самостоятельный документ в соответствии с целями и лежащими в их основе принципами. (2) Они должны пониматься в свете применимых актов, гарантирующих права и фундаментальные свободы человека, а также применимых актов конституционного права. (3) При их толковании и применении следует обратить внимание на необходимость обеспечить: (a) единообразие в применении; (b) добросовестность и честную деловую практику; и (c) правовую определенность».

Все это свидетельство того, что правила о субъективной добросовестности выглядят как исключение, относящееся к вещным правам добросовестного приобретателя (кн. VIII), выраженное в виде формулы «не знал и, как можно разумно предполагать, не мог знать».

Как видно, практика европейского права не отрицает двуединства добросовестности, продолжая историческую традицию видения в ее структуре объективного и субъективного аспектов. Однако вопрос о градации субъективной добросовестности здесь не настолько дифференцирован, как в российском законодательстве и доктрине. Подобное положение удалось установить за счет введения позитивной обязанности по информированию сторон договора. Ведение переговоров, заключение договора, его исполнение – это процесс информационного взаимодействия, в котором есть обязанность по раскрытию информации относительно товаров, иного имущества и услуг. Также установлено правило, что до заключения договора о предоставлении предпринимателем другому лицу вещей, иного имущества либо услуг предприниматель обязан предоставить этому лицу такую информацию о предлагаемых вещах, ином имуществе или услугах, которую это лицо может разумно ожидать, принимая во внимание обычно предъявляемые при подобных обстоятельствах требования к качеству и исполнению (ст. II.-3:101). Норма направлена против информационной асимметрии исходя из того, что решение лица вступить в конкретное обязательство – это всегда результат обработки

¹ Вестник ВАС. 1994. № 1.

информации, наступающий по результатам ее сбора и анализа. Так устроен рынок – информированность является конкурентным преимуществом, способом минимизации рисков и возможностью предвидения потерь. Информационная определенность, насыщенность, обеспечивающая определенность внешней среды, – залог успешности исполнения обязательства, его дополнительный ресурс. В связи с этим нормами предусмотрены самостоятельные требования к информации (П.-3:196 – недвусмысленность и форма информации) и императивно установлены правила об уведомлении, которое одна сторона обязана направить другой «с любой предусмотренной настоящими правилами целью», где термин «уведомление» включает передачу информации либо сведений о юридическом действии.

Не стоит однозначно утверждать, что принцип добросовестности в наднациональном праве имеет очень широкое распространение. Во-первых, это право не имеет системы и можно легко увидеть, что речь идет далеко не обо всем праве, а лишь о нескольких его частях. Во-вторых, перевод понятия добросовестности в европейском праве не слишком совпадает с российским. Так, профессор свободного университета Берлина Буркхард Брайт рассказал о трудностях перевода термина «добросовестность» из общеизвестного, пожалуй, всему миру параграфа 242 Германского гражданского уложения. Параграф 242 ГГУ очень много комментируется и применяется, несмотря на то, что в германском праве принято обращаться вначале к позитивному регулированию, затем к аналогии права и лишь после этого – к общим принципам, к последним прибегают часто. Как таковой добросовестности в германском праве нет: принцип формулируется как *Treu und Glauben*, что переводится как «верность слову» и доверие между людьми. Именно в таком понимании *Treu und Glauben* применяется в договорных и преддоговорных отношениях [12]. Для обозначения добросовестного приобретателя в германском праве используются другие термины. В-третьих, несмотря на то, что принцип добросовестности сейчас включен в проект общего документа Евросоюза о купле-продаже, пока нет той практики, которая бы свидетельствовала том, как Европейский суд по правам человека примет каноны добросовестности.

Заключение

Несмотря на небесспорность учения о субъективной добросовестности, нет оснований отрицать его позитивную значимость для гражданского права и законодательства. Как отмечают юристы Германии, «добросовестность развила гражданское право» [83]. Не исключено, что подобный путь, на который в немецком праве ушло около 100 лет, предстоит пройти и российскому гражданскому праву. Цель состоит в осознании того, что гражданское право не может существовать без добросовестности как системообразующей категории, определяющей один из основных векторов в российской судебной практике. Аналогичное положение существует в Германии, где в действующих немецких учебниках сегодня проводится уже практически бесспорная мысль о том, что принцип добросовестности является общим правовым принципом для самых разных областей права – обязательственного, вещного, трудового, семейного, процессуального и публичного права [80, S. 127].

Исследование добросовестности во всей ее социально-правовой значимости предполагает согласование субъективного и объективного начал как неизбежно переплетающихся. Этому может способствовать предметный подход к добросовестности как неоднородному явлению.

Проблема субъективной добросовестности остается открытой, требует самостоятельного научного рассмотрения. Это поможет законодателю, а также окажет весьма позитивное влияние на формирование в указанной сфере адекватной правоприменительной практики.

Библиографический список

1. Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. Т. 2. 452 с.
2. Амфитеатров Г. Н. Вопросы виндикации в советском праве // Советское государство и право. 1941. № 2. С. 38–47.
3. Ананьев А. Г. К вопросу понятию состояния в праве: цивилистический аспект // Науч.-метод. электрон. журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 4711–4715.
4. Арсланов К. М. О связи российского гражданского права и иностранного правового

опыта в период с XIX века по настоящее время // XI Всерос. науч.-практ. конф. «Державинские чтения»: сб. ст. / отв. ред. О. И. Александрова; ВГУЮ (РПА Минюста России). М., 2016. С. 188–191.

5. *Архипова А. Г.* Обязанность предоставить информацию по ст. 307 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2. С. 60–94.

6. *Батчаев Ю. С.* Защита владения в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 169 с.

7. *Бевзенко Р. С.* Тенденции судебной практики разрешения споров, связанных с первоначальным возникновением права собственности на недвижимое имущество // Закон. 2008. № 3. С. 29–41.

8. *Белов В. А.* Кодекс европейского договорного права – European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий. М.: Юрайт, 2015. Кн. 1: Общие положения о договорах. 308 с.; кн. 2: Отдельные виды договоров. Продажа. 312 с.

9. *Белов В. А.* Юридические факты в гражданском праве: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015. 450 с.

10. *Беспалов Ю. Ф., Касаткина А. Ю., Каменева З. В., Лиджиева С. Г., Гордеюк Е. В.* Комментарий к разделу V части III Гражданского кодекса РФ «Наследственное право» (постатейный) / отв. ред. д.ю.н., проф. Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. *Богданов Е. В.* Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 12–14.

12. *Брайг Б.* Развитие принципа добросовестности в немецком праве. Влияние права ЕС на практику правоприменения // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Современное частное право России и ЕС», г. Москва, 27 сентября 2012 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. *Варул П.* Принципы и модельные правила современного частного права // Закон. 2014. № 6. С. 46–60.

14. *Волков А. В.* Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике. (Анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом). М.: Волтерс Клувер, 2010. 960 с.

15. *Волков В. А.* Добросовестность и разумность в концепции «злоупотребление граж-

данским правом» // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3 (12). С. 240–250.

16. *Вольфсон В. Л.* Принцип добросовестности как легальная презумпция бесконфликтности намерений в осуществлении субъективного гражданского права // Юридическая мысль. 2018. № 3 (107). С. 62–68.

17. *Вступительное слово / А. В. Егоров // Папченкова Е. А.* Возврат исполненного по расторгнутому нарушенному договору: сравнительный анализ российского и немецкого права. М.: Статут, 2017. С. 5.

18. *ГК РСФСР: Комментарий / под ред. проф. А. Г. Гойхбарга и И. Г. Кобленца.* 2-е изд. М.: Госиздат, 1925. 559 с.

19. *Гражданское право: учебник для вузов; в 3 ч. / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова.* М.: Эксмо, 2009. Ч. 1. 480 с.

20. *Гражданское право: учебник; в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало.* 2-е изд. М.: Статут, 2017. Т. 1. 511 с.

21. *Дождев Д. В.* Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 256 с.

22. *Дроздова Т. Ю.* Добросовестность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.

23. *Егоров А.* Новые положения о добросовестности и злоупотреблении правом. Какую пользу принесут они на практике // Юрист компании. 2013. № 7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. *Егоров А.* Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2. С. 4–10.

25. *Зезекало А. Ю.* Заблуждение при совершении сделки: монография. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 198 с.

26. *Карлявин И. Ю.* К вопросу о контроле содержания договоров Европейского союза, конституционном и частном праве Германии // Научный поиск. 2015. № 1.4. С. 8–13.

27. *Карлявин И. Ю.* Принцип добросовестности (True und Glauben) в правовой доктрине немецкоязычных стран: теоретико-практические предпосылки и конструирование // Lex Russica. 2015. № 1. С. 112–133.

28. *Колосовский О. В.* О необходимости отграничения осознанного неведения от существенного заблуждения при совершении сделки

// Российский юридический журнал. 2016. № 2 (107). С. 125–135.

29. *Комментарий* к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный). 4-е изд. / отв. ред.: д-ра юрид. наук, засл. деятели науки Рос. Федерации Н. И. Марышева, К. Б. Ярошенко. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ», 2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

30. *Краснова С. А.* Определение понятия «добросовестности» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 62–67.

31. *Красовский А. А.* К реформе нашего гражданского процесса // Вестник гражданского права. 1914. № 3. С. 56–102.

32. *Куликов К. А.* Принцип объективной и субъективной добросовестности в гражданском праве и механизм его реализации в гражданском праве России // Право. Законодательство. Личность. Саратов. 2016. № 2 (23). С. 44–48.

33. *Курбатов А. Я.* Принцип недопустимости злоупотребления правом: к старым проблемам добавились новые // Закон. 2013. № 9. С. 36–43.

34. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 2000. Ч. 1. 781 с.

35. *Мережкина М. В.* Принцип добросовестности как вектор обновления гражданского законодательства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 4 (21).

36. *Мисник Н. Н.* О владении имуществом как собственным и добросовестном владении в приобретательной давности // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 52–54.

37. (38). *Модельные правила 2013: Модельные правила Европейского частного права* / пер. с англ. Н. Ю. Александрова [и др.]; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М.: Статут. 2013. 989 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

39. *Нам К. В.* История принципа добросовестности до принятия германского гражданского уложения // Lex Russica. 2018. № 5 (138).

40. *Новикова Т. В.* Понятие добросовестности в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на/Д., 2009.

41. *Новикова Ю. С.* Место фактов-состояний в теории юридических фактов // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2011. Вып. 4. С. 139–141.

42. *Новицкий И. Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

43. *Обзор* материалов круглого стола «Первые итоги модернизации национальных гражданских законодательств» (Петерб. междунар. юрид. форум). URL: <https://www.eg-online.ru/article/250647> (дата обращения: 24.01.2019).

44. *Пермяков А. В.* Заблуждение как юридически факт-состояние // Академический вестник. 2012. № 1 (19). С. 95–98.

45. *Пермяков А. В., Комиссарова Е. Г.* Юридические факты и юридические состояния: проблемы теоретического освоения // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6 (50). С. 73–79.

46. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917. 234 с.

47. *Попов В. С., Кожевников В. А.* О причине, препятствующей удовлетворительному разрешению проблемы «добросовестности» в гражданском праве // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 74–79.

48. *Принципы* международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. А. С. Комарова. М.: Статут, 2013. 758 с.

49. *Протасов В. Н., Протасова Н. В.* Лекции по общей теории права и теории государства. М.: Изд. дом Городец, 2010. 751 с.

50. *Пугинский Б. И., Амиров А. Т.* Принципы Европейского договорного права: юридическая природа, основные положения и перспективы развития // Коммерческое право. 2011. № 2 (9). С. 104–114.

51. *Разбейко Н. В.* Теория юридических фактов-состояний на современном этапе развития правовой науки // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33). С. 187–191.

52. *Рассказова Н. Ю.* Панельная сессия VII Международного Петербургского экономического форума 22 мая 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

53. *Рожкова М. А.* Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2009. 332 с.

54. *Рыженков А. Я.* Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве // Право и образование. 2013. № 9. С. 62–69.

55. Рыженков А. Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 68–71.
56. Савельев В. А. Справедливость (aequitas) и добросовестность (bona fides) в римском праве классического периода // Государство и право. 2014. № 3. С. 63–72.
57. Самойлов Е. Ю. Объективный критерий добросовестности приобретателя // Законодательство. 2009. № 10. С. 10–19.
58. Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLII: Международные договоры СССР, вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1986 года / МИД СССР. М.: Междунар. отношения, 1988. 413 с.
59. Свод Законов Российской империи. СПб., 1900. Т. X, ч. 1. 604 с.
60. Скловский К. И. Толкование добросовестности как обязанность суда // Закон. 2017. № 1. С. 106–109.
61. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2008. 922 с.
62. Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. 748 с.
63. Сулейменов М. К. Добросовестность в гражданском праве: проблемы теории и практики // Добросовестность в гражданском праве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (ежегод. цивилист. чтения, посвященные 20-летию Гражданского кодекса Республики Казахстан (Алматы, 22–23 мая 2014 г.) / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы, 2014. С. 10–25.
64. Супрун В. В. Влияние неосведомленности субъектов на их положение в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на/Д., 2011. 30 с.
65. Супрун В. В. О понятии неинформированности в гражданском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 3. С. 62–65.
66. Суханов Е. А. Пришло настоящее гражданское право: [интервью заведующего кафедрой гражданского права МГУ] // Московский юрист. 2012. № 1 (5).
67. Телюкина М. Н. Комментарий к разделу V Гражданского кодекса Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2002. № 8–10.
68. Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. 3-е изд. М.: Юрайт, 2013. 715 с.
69. Трунин А. А. Добросовестность как предпонимание (на примере толкования договора) // Правоведение. 2015. № 4. С. 109–110.
70. Храпунова Е. А. К вопросу места состояний в системе юридических фактов, влекущих возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. Вып. 2. С. 78–81.
71. Чеговадзе Л. А., Рябов А. Е. Юридические факты: события, действия, состояния // Правосудие в Поволжье. 2004. № 2. С. 107–114.
72. Шайхутдинов Е. М. Добросовестность как явление неопределенности права // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф.; в 3 ч. М.: РГУП, 2018. Ч. 1. 460 с.
73. Ширвиндт А. М. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения (информационное письмо) Президиума ВАС РФ от 13 ноября 2008 г. № 126) // Вестник гражданского права. 2009. № 1.
74. Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ сравнительное правоведение. М: Статут, 2014. 254 с.
75. Щенникова Л. В., Быкова М. О. О добросовестности как принципе гражданского права // Власть закона. 2013. № 4 (16). С. 47–51.
76. Юрченко О. Ю. Факты-состояния в гражданском праве // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2015. № 9 (49).
77. Якубчик М. М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом // Журнал российского права. 2012. № 10 (109). С. 107–115.
78. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 608 с.
79. Hedemann J. W. Die Flucht in die Generalklauseln. Eine Gefahr für Recht und Staat. Tübingen, 1993. 76 s.
80. Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. Erster Band: Allgemeiner Teil. München. 1987.
81. Main H. Ancient Law. London. 1861. P. 340. Цит. по: Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Исследование А. Стоянова. Харьков: Типография Чаховского и Зарина, 1862. 304 с.
82. Principles of European Contract Law. Parts I and II / Ed. by O. Lando, H. Beale. The Hague; London; Boston, 2000.

83. Schermaier M. *Bona Fides in Roman Contract // Good Faith in European Contract Law* (eds. by S. Whittaker, R. Zimmermann). Cambridge University Press, 2000.

84. Zimmermann R. *The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Juta&Co Ltd., Kluwer, 1992.

85. Zimmermann R., Whittaker S. *Good Faith in European Contract Law*. Cambridge University Press 2000.

References

1. Agarkov M. M. *Problema zloupotrebleniya pravom v sovetskom grazhdanskom prave* [The Problem of Abuse of Rights in Soviet Civil Law]. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: V 2 t.* [Selected Works on Civil Law: in 2 vols.]. Moscow, 2002. Vol. 2. 452 p. (In Russ.).

2. Amfiteatrov G. N. *Voprosy vindikatsii v sovetskom prave* [Issues of Vindication in Soviet Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1941. Issue 2. Pp. 38–47. (In Russ.).

3. Anan'ev A. G. *K voprosu ponyatii sostoyaniya v prave: civilisticheskiy aspekt* [On the Question of the Concept of State in the Law: the Civil Law Aspect]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Koncept" – Scientific and Methodological Electronic Journal 'Concept'*. 2014. Vol. 20. Pp. 4711–4715. (In Russ.).

4. Arslanov K. M. *O svyazi rossiyskogo grazhdanskogo prava i inostrannogo pravovogo opyta v period s XIX veka po nastoyashee vremya* [On the Relationship between Russian Civil Law and Foreign Legal Experience in the Period from the 19th Century to the Present]. *XI Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Derzhavinskie chteniya»: sb. st. / otv. red. O. I. Aleksandrova* [XI All-Russian Scientific-Practical Conference 'Derzhavinsky Readings': Collection of Articles; ed. by O. I. Aleksandrova]. Moscow, 2016. Pp. 188–191. (In Russ.).

5. Arkhipova A. G. *Obyazannost' predostavit' informatsiyu po st. 307 GK RF* [Duty to Provide Information under Article 307 (3) of the Russian Civil Code]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii – Herald of Economic Justice*. 2017. Issue 2. Pp. 60–94. (In Russ.).

6. Batchaev Yu. S. *Zaschita vladeniya v rossiyskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk* [Protection of Ownership in Russian Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Stavropol, 2005. 169 p. (In Russ.).

7. Bevzenko R. S. *Tendentsii sudebnoy praktiki razresheniya sporov, svyazannykh s pervonachal'nym vozniknoveniem prava sobstvennosti na*

nedvizhimoe imuschestvo [Trends in Judicial Practice of Dispute Resolution Related to the Initial Emergence of Ownership of Real Estate]. *Zakon – ZAKON*. 2008. Issue 3. Pp. 29–41. (In Russ.).

8. Belov V. A. *Kodeks evropeyskogo dogovornogo prava – European Contract Code: obshchiy i sravnitel'no-pravovoy kommentariy* [European Contract Code: General and Comparative Legal Review]. Book 1. *Obschie polozheniya o dogovorakh* [General Provisions on Contracts]. Moscow, 2015. 308 p.; Book 2. *Otdel'nye vidy dogovorov. Prodazha* [Certain Types of Contracts. Sale]. Moscow, 2015. 312 p. (In Russ.).

9. Belov V. A. *Yuridicheskie fakty v grazhdanskom prave: uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury* [Legal Facts in Civil Law: Textbook for Bachelor's and Master's Degrees]. Moscow, 2015. 450 p. (In Russ.).

10. Bepalov Yu. F., Kasatkina A. Yu., Kameneva Z. V., Lidzhieva S. G., Gordeyuk E. V. *Kommentariy k razdelu V chasti III Grazhdanskogo kodeksa RF «Nasledstvennoe pravo» (postateynyj) / otv. red. d. yu. n., prof. Yu. F. Bepalov* [Commentary on the Section V of the Part Three of the Civil Code of the Russian Federation 'Inheritance Law' (Article by Article); ed. by Yu. F. Bepalov]. Moscow, 2016. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'. (In Russ.).

11. Bogdanov E. V. *Kategoriya "dobrosovestnosti" v grazhdanskom prave* [Category of 'Good Faith' in Civil Law]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1999. Issue 9. Pp. 12–14. (In Russ.).

12. Burkhard Breig. *Razvitie principa dobrosovestnosti v nemeckom prave. Vliyanie prava ES na praktiku pravoprimeniya* [Development of Good Faith Principle in German Law. Impact of the EU Law on the Enforcement Practice]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sovremennoe chastnoe pravo Rossii i ES». 27 sentyabrya 2012* [Proceedings of the International Research-to-Practice Conference 'Modern Private Law of Russia and the EU'. September 27, 2012]. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'. (In Russ.).

13. Varul P. *Principy i model'nye pravila sovremennogo chastnogo prava* [Principles and Model Rules of the Today's Private Law]. *Zakon – ZAKON*. 2014. Issue 6. Pp. 56–61. (In Russ.).

14. Volkov A. V. *Princip nedopustimosti zloupotrebleniya grazhdanskimi pravami v zakonodatel'stve i sudebnoy praktike (Analiz bolee 250 sudebnykh del o zloupotreblenii pravom)* [The Principle of Non-Abuse of Civil Rights in Legislation and Judicial Practice (Analysis of More than 250

Cases of Abuse of Rights)]. Moscow, 2010. 960 p. (In Russ.).

15. Volkov V. A. *Dobrosovestnost' i razumnost' v koncepcii "zloupotreblenie grazhdanskim pravom"* [Good Faith and Reasonableness in the Concept of 'Abuse of Civil Rights']. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Actual Problems of Russian Law. 2009. Issue 3 (12). Pp. 240–250. (In Russ.).

16. Volfson V. L. *Princip dobrosovestnosti kak legal'naya prezumpciya beskonfliktnosti namereniy v osuschestvlenii sub"ektivnogo grazhdanskogo prava* [The Principle of Good Faith as a Legal Presumption of the Absence of Conflict of Intentions in the Implementation of a Civil Right]. *Yuridicheskaya mysl'* – Legal Thought. 2018. Issue 3 (107). Pp. 62–68. (In Russ.).

17. Vstupitel'noe slovo A. V. Egorova [Introductory Speech by A. V. Egorov] in: Papchenkova E. A. *Vozvrat ispolnennogo po rastorgnutomu narushennomu dogovoru: sravnitel'nyj analiz rossiyskogo i nemeckogo prava* [Return of the Executed under the Terminated Breached Contract: a Comparative Analysis of Russian and German Law]. Moscow, 2017. P. 5. (In Russ.).

18. *GK RSFSR. Kommentariy pod red. prof. A. G. Goykhharga i I.G. Koblenca. 2 izd.* [Civil Code of the RSFSR. Commentary under the editorship of A.G. Goykhharg and I.G. Koblents. 2nd ed.]. Moscow, 1925. 559 p. (In Russ.).

19. *Grazhdanskoe pravo. Uchebnik dlya vuzov v trekh chastyakh. Chast' pervaya / pod red. V. P. Kamyshanskogo, N. M. Korshunova, V. I. Ivanova* [Civil Law. Textbook for Universities in 3 Parts; ed. by V. P. Kamyshanskiy, N. M. Korshunov, V. I. Ivanov]. Moscow, 2009. Part One. 480 p. (In Russ.).

20. *Grazhdanskoe pravo: Uchebnik. V 2 t. / Pod red. B. M. Gongalo. T. 1.* [Civil Law: Textbook. In 2 vols.; ed. by B.M. Gongalo]. Moscow, 2017. Vol. 1. 511 p. (In Russ.).

21. Dozhdev D. V. *Dobrosovestnost' (bona fides) kak pravovoy princip* [Good Faith (Bona Fides) as a Legal Principle]. *Politiko-pravovye cennosti: istoriya i sovremennost' / pod red. V. S. Nersesyanc* [Political and Legal Values: History and Modernity; ed. by V. S. Nersesyants]. Moscow, 2000. 256 p. (In Russ.).

22. Drozdova T. Yu. *Dobrosovestnost' v rossiyskom grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Good Faith in the Russian Civil Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2005. 28 p. (In Russ.).

23. Egorov A. *Novye polozheniya o dobrosovestnosti i zloupotreblenii pravom. Kakuyu pol'zu*

prinesut oni na praktike [New Provisions on Good Faith and Abuse of Rights. What Benefit They will Bring in Practice]. *Yurist kompanii* – Corporate Lawyer. 2013. Issue 7. Access from the legal reference system "ConsultantPlus". (In Russ.).

24. Egorov A. *Princip dobrosovestnosti v Grazhdanskom kodekse RF: pervye shagi reformy* [The Principle of Good Faith in the Civil Code of the Russian Federation: First Steps of the Reform]. *Legal Insight*. 2013. Issue 2. Pp. 4–10. (In Russ.).

25. Zezekalo A. Yu. *Zabluzhdenie pri sovershenii sdelki: Monografiya* [Misconception in the Transaction: Monograph]. Tomsk, 2011. 198 p. (In Russ.).

26. Karlyavin I. Yu. *K voprosu o kontrole soderzhaniya dogovorov v prave Evropeyskogo soyuza, konstitucionnom i chastnom prave Germanii* [To the Issue of Control over the Content of Treaties in European Union Law, Constitutional and Private Law in Germany]. *Nauchnyj poisk* – Scientific Search. 2015. Issue 1.4. Pp. 8–13. (In Russ.).

27. Karlyavin I. Yu. *Princip dobrosovestnosti (treu und glauben) v pravovoy doktrine nemeckoyazychnykh stran: teoretiko-prakticheskie predposylki i konstruirovaniye* [The Concept of Good Faith (Treu und Glauben) in the Legal Doctrine of German-Speaking Countries: Theoretical and Practical Background and Design]. *Lex Russica*. 2015. Issue 1. Pp. 112–133. (In Russ.).

28. Kolosovskiy O. V. *O neobkhodimosti otgranicheniya osoznannogo nevedeniya ot suschestvennogo zabluzhdeniya pri sovershenii sdelki* [On the Distinction between Conscious Ignorance and Fundamental Bargaining Mistake]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* – Russian Juridical Journal. 2016. Issue 2 (107). Pp. 125–135. (In Russ.).

29. *Komentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federacii chasti tret'ei (postateyniy). 4-e izd. / otv. red.: doktora yuridicheskikh nauk, zasluzhennyye deyateli nauki Rossiyskoy Federacii N. I. Marysheva, K. B. Yaroshenko* [Commentary on the Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (Article by Article). 4th ed.; ed. by N. I. Marysheva, K. B. Yaroshenko]. Moscow, 2014. Access from the legal reference system "ConsultantPlus". (In Russ.).

30. Krasnova S. A. *Opreделение ponyatiya «dobrosovestnosti» v rossiyskom grazhdanskom prave* [Definition of 'Good Faith' in Russian Civil Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2003. Issue 3. Pp. 62–67. (In Russ.).

31. Krasovskiy A. A. *K reforme nashego grazhdanskogo processa* [To the Reform of Our Civil Process]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 1914. Issue 3. Pp. 56–102. (In Russ.).

32. Kulikov K. A. *Princip ob'ektivnoy i sub'ektivnoy dobrosovestnosti v grazhdanskom prave i mekhanizm ego realizacii v grazhdanskom prave Rossii* [The Principle of Objective and Subjective Good Faith in Civil Law and the Mechanism of Its Implementation in Civil Law of Russia]. *Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost'* – Law. Legislation. Person. 2016. Issue 2 (23). Pp. 44–48. (In Russ.).

33. Kurbatov A. Ya. *Princip nedopustimosti zloupotrebleniya pravom: k starym problemam dobavilis' novye* [The Principle of Inadmissibility of Abusing Rights: Old Problems Remain, New Problems Arise]. *Zakon – ZAKON*. 2013. Issue 9. Pp. 36–43. (In Russ.).

34. Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch.* [Russian Civil Law: in 2 parts]. Moscow, 2000. Part 1. 781 p. (In Russ.).

35. Merezhkina M. V. *Princip dobrosovestnosti kak vektor obnovleniya grazhdanskogo zakonodatel'stva* [Good Faith Principle as a Vector of Civil Legislation Modernization]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudenciya* – Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence. 2013. Issue 4 (21). Pp. 32–35. (In Russ.).

36. Misnik N. N. *O vladenii imuschestvom kak sobstvennym i dobrosovestnom vladenii v pribretatel'noy davnosti* [On the Possession of Property as One's Own and on the Possession in Good Faith in Acquisitive Prescription]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2007. Issue 2. Pp. 52–54. (In Russ.).

37. (38). *Model'nye pravila 2013: Model'nye pravila Evropeyskogo chastnogo prava / per. s angl. Sankt-Peterburgskiy gos. universitet; nauch. red. N.Yu. Rasskazova; per. s angl. N.Yu. Aleksandrova i dr.* [Model Rules 2013: Model Rules of European Private Law. St. Petersburg State University; ed. by N. Yu. Rasskazova; transl. from English by N. Yu. Aleksandrov et al.]. Moscow, 2013. 989 p. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'. (In Russ.).

39. Nam K. V. *Istoriya principa dobrosovestnosti (treu und glauben) do prinyatiya germanskogo grazhdanskogo ulozheniya* [History of the Principle of Good Faith (Treu und Glauben) before the Adoption of the German Civil Code]. *LEX RUSSICA*. 2018. Issue 5 (138). Pp. 97–108. (In Russ.).

40. Novikova T. V. *Ponyatie dobrosovestnosti v grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk*

[The Concept of Good Faith in Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2009. (In Russ.).

41. Novikova Yu. S. *Mesto faktov-sostoyaniy v teorii yuridicheskikh faktov* [Place of Facts-States in the Theory of Legal Facts]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo* – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2011. Issue 4. Pp. 139–141. (In Russ.).

42. Novitskiy I. B. *Princip dobroy sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava* [The Principle of Good Faith in the Draft Law of Obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2006. Issue 1. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'. (In Russ.).

43. *Obzor materialov kruglogo stola «Pervye itogi modernizacii nacional'nykh grazhdanskikh zakonodatel'stv», sostoyavshegosya v ramkakh Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma* [Review of the Proceedings of the Round Table 'The First Results of the Modernization of National Civil Legislations', held in the Framework of the St. Petersburg International Legal Forum]. Available at: <https://www.eg-online.ru/article/250647> (accessed 24.01.2019). (In Russ.).

44. Permyakov A. V. *Zabluzhdenie kak yuridicheskoy fakt-sostoyanie* [Ignorance as a Legal Fact-State]. *Akademicheskyy vestnik* – Academic Bulletin. 2012. Issue 1 (19). Pp. 95–98. (In Russ.).

45. Permyakov A. V., Komissarova E. G. *Yuridicheskie fakty i yuridicheskie sostoyaniya: problemy teoreticheskogo osvoeniya* [Legal Facts and Legal Status: Problems of Theoretical Development]. *Obschestvo: politika, ekonomika, pravo* – Society: Politics, Economics, Law. 2018. Issue 6 (50). Pp. 73–79. (In Russ.).

46. Pokrovskiy I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of Civil Law]. Petrograd, 1917. 234 p. (In Russ.).

47. Popov V. S., Kozhevnikov V. A. *O prichine, prepyatstvuyushey udovletvoritel'nomu razresheniyu problemy «dobrosovestnosti» v grazhdanskom prave* [On the Reason Preventing Satisfactory Solution to the Problem of 'Good Faith' in Civil Law]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* – Gaps in Russian Legislation. 2014. Issue 3. Pp. 74–79. (In Russ.).

48. *Principy mezhdunarodnykh kommercheskikh dogovorov UNIDROA 2010 / per. s angl. A. S. Komarova* [UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2010; transl. from English by A. S. Komarov]. Moscow, 2013. 758 p. (In Russ.).

49. Protasov V. N., Protasova N. V. *Lekcii po obschey teorii prava i teorii gosudarstva* [Lectures on General Theory of Law and Theory of State]. Moscow, 2010. 751 p. (In Russ.).

50. Puginskiy B. I., Amirov A. T. *Principy Evropeyskogo dogovornogo prava: yuridicheskaya priroda, osnovnye polozheniya i perspektivy razvitiya* [Principles of the European Contract Law: Legal Nature, Main Provisions and Prospects]. *Kommercheskoe pravo – MSU Commercial Law Journal*. 2011. Issue 2 (9). Pp. 104–114. (In Russ.).

51. Razbeyko N. V. *Teoriya yuridicheskikh faktov-sostoyaniy na sovremennom etape razvitiya pravovoy nauki* [The Theory of Legal Facts-States at the Present Stage of Development of the Law Science]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*. 2016. Issue 3 (33). Pp. 187–191. (In Russ.).

52. Rasskazova N. Yu. *Panel'naya sessiya VII Mezhdunarodnogo Peterburgskogo ekonomicheskogo foruma 22 maya 2017 g.* [Panel Session of the VII St. Petersburg International Economic Forum. May 22, 2017]. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'. (In Russ.).

53. Rozhkova M. A. *Yuridicheskie fakty grazhdanskogo i processual'nogo prava: soglaseniya o zaschite prav i processual'nye soglaseniya* [Legal Facts of Civil and Procedural Law: Agreements on Protection of Rights and Procedural Agreements]. Moscow, 2009. 332 p. (In Russ.).

54. Ryzhenkov A. Ya. *Princip dobrosovestnosti v obnovlennom grazhdanskom zakonodatel'stve* [The Principle of Bona Fide in the Renewed Civil Legislation]. *Pravo i obrazovanie – Law and Education*. 2013. Issue 9. Pp. 62–69. (In Russ.).

55. Ryzhenkov A. Ya. *Princip dobrosovestnosti v obnovlennom grazhdanskom zakonodatel'stve* [The Principle of Bona Fide in the Renewed Civil Legislation]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 2013. Issue 3. Pp. 68–71. (In Russ.).

56. Savel'ev V. A. *Spravedlivost' (aequitas) i dobrosovestnost' (bona fides) v rimskom prave klassicheskogo perioda* [Justice (Aequitas) and Integrity (Bona Fides) in Roman Law, the Classical Period]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2014. Issue 3. Pp. 63–72. (In Russ.).

57. Samoylov E. Yu. *Ob'ektivnyj kriteriy dobrosovestnosti priobretatelya* [Objective Criterion of Good Faith of the Acquirer]. *Zakonodatel'stvo – Legislation*. 2009. Issue 10. Pp. 10–19. (In Russ.).

58. *Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR* [The Collection of International Treaties of the USSR]. Issue XLII. *Mezhdunarodnye dogovory*

SSSR, vstupivshie v silu s 1 yanvarya po 31 dekabrya 1986 goda / MID SSSR [International Treaties of the USSR that Entered into Force from January 1 to December 31, 1986; Ministry of Foreign Affairs of the USSR]. Moscow, 1988. 413 p. (In Russ.).

59. *Svod Zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1900. Vol. 10. Part 1. 604 p. (In Russ.).

60. Sklovskiy K. I. *Tolkovanie dobrosovestnosti kak obyazannost' suda* [Interpretation of Good Faith as the Duty of the Court]. *Zakon – ZAKON*. 2017. Issue 1. Pp. 106–109. (In Russ.).

61. Sklovskiy K. I. *Sobstvennost' v grazhdanskom prave* [Property in Civil Law]. Moscow, 2008. 922 p. (In Russ.).

62. Stuchka P. I. *Izbrannyye proizvedeniya po marksistsko-leninskoy teorii prava* [Selected Works on the Marxist-Leninist Theory of Law]. Riga, 1964. 748 p. (In Russ.).

63. Suleymenov M. K. *Dobrosovestnost' v grazhdanskom prave: problemy teorii i praktiki* [Good Faith in Civil Law: Problems of Theory and Practice]. *Dobrosovestnost' v grazhdanskom prave: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. v ramkakh ezhegod. civilisticheskikh chteniy, posvyaschen. 20-letiyu Grazhdanskogo kodeksa Respubliki Kazakhstan (Almaty, 22–23 maya 2014 g.) / otv. red. M. K. Suleymenov* [Good Faith in Civil Law: Proceedings of International Scientific-Practical Conference within the Framework of the Annual Civil Readings Devoted to the 20th Anniversary of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Almaty, May 22–23, 2014); ed. by M. K. Suleymenov]. Almaty, 2014. Pp. 10–25. (In Russ.).

64. Suprun V. V. *Vliyanie neosvedomlennosti sub"ektov na ikh polozhenie v grazhdanskom prave: avtoref. dis... kand. yurid. nauk* [Influence of Ignorance of Subjects on Their Position in Civil Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2011. 30 p. (In Russ.).

65. Suprun V. V. *O ponyatii ne informirovanosti v grazhdanskom prave* [On the Notion of Non-Awareness in the Russian Civil Law]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik – North Caucasus Legal Vestnik*. 2009. Issue 3. Pp. 62–65. (In Russ.).

66. Sukhanov E. A. *Prishlo nastoyashee grazhdanskoe pravo (interv'yu zaveduyushego kafedroy grazhdanskogo prava MGU)* [Real Civil Law Came (Interview with the Head of the Department of Civil Law of Moscow State University)]. *Moskovskiy yurist – Moscow Jurist*. 2012. Issue 1 (5). Pp. 28–37. (In Russ.).

67. Telyukina M. N. *Kommentariy k razdelu V Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federacii* [Commentary on the Section V of the Civil Code of the Russian Federation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* – Legislation and Economics. 2002. Issue 8–10. (In Russ.).

68. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov / pod red. V. K. Babaeva* [Theory of State and Law: Textbook for Bachelors; ed. by V. K. Babaev]. Moscow, 2013. 715 p. (In Russ.).

69. Trunin A. A. *Dobrosovestnost' kak predponimanie (na primere tolkovaniya dogovora)* [Good Faith as a Pre-Understanding (on the example of Interpretation of a Contract)]. *Pravovedenie*. 2015. Issue 4. Pp. 109–110. (In Russ.).

70. Khrapunova E. A. *K voprosu mesta sostoyaniy v sisteme yuridicheskikh faktov, vlekushchikh vozniknovenie, izmenenie i prekraschenie grazhdanskikh pravootnosheniy* [To the Question of the Place of States in the System of Legal Facts, Entailing the Emergence, Change and Termination of Civil Relations]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* – Science and Education: Economy; Entrepreneurship; Law and Management. 2012. Issue 2. Pp. 78–81. (In Russ.).

71. Chegovadze L. A., Ryabov A. E. *Yuridicheskie fakty: sobytiya, deystviya, sostoyaniya* [Legal Facts: Events, Actions, States]. *Pravosudie v Povolzh'e* – Justice in the Volga Region. 2004. Issue 2. Pp. 107–114. (In Russ.).

72. Shaykhutdinov E. M. *Dobrosovestnost' kak yavlenie neopredelennosti prava* [Good Faith as a Phenomenon of Uncertainty of Law]. *Opredelennost' i neopredelennost' prava kak parnyye kategorii: problemy teorii i praktiki: Materialy XII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii. V 3-kh chastyakh* [Certainty and Uncertainty of Law as Paired Categories: Problems of Theory and Practice: Proceedings of the XII International Scientific-Practical Conference. In 3 Parts]. Moscow, 2018. Part 1. 460 p. (In Russ.).

73. Shirvindt A. M. *Kommentariy k Obzoru sudebnoy praktiki po nekotorym voprosam, svyazannym s istrebovaniem imuschestva iz chuzhogo nezakonnoy vladeniya (informacionnoe pis'mo) Prezidiuma VAS RF ot 13 noyabrya 2008 g. № 126* [Commentary on the Review of Judicial Practice on Certain Issues Relating to the Recovery of Property from Illegal Possession (Information Letter) of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of November 13, 2008 No. 126]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2009. Issue 1. Pp. 131–133. (In Russ.).

74. Shirvindt A. M. *Princip dobrosovestnosti v GK RF i sravnitel'noe pravovedenie / A.M. Shirvindt* [The Principle of Good Faith in the Civil Code of the Russian Federation and Comparative Law; M.A. Shirvindt]. Moscow, 2014. 254 p. (In Russ.).

75. Schennikova L. V., Bykova M. O. *O dobrosovestnosti kak principe grazhdanskogo prava* [On Good Faith as a Principle of Civil Law]. *Vlast' zakona* – The Reign of Law. 2013. Issue 4 (16). Pp. 47–51. (In Russ.).

76. Yurchenko O. Yu. *Fakty-sostoyaniya v grazhdanskom prave* [Facts-States in the Civil Law]. *Voprosy sovremennoy yurisprudencii. Sb. statey po materialam III mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Issues of Modern Jurisprudence. Collection of Articles on the Proceedings of the III International Scientific-Practical Conference]. Novosibirsk, 2015. Issue 9 (49). (In Russ.).

77. Yakubchik M. M. *Kompleksnoe ponyatie dobrosovestnosti: sootnoshenie s doktrinoy zloupotrebleniya pravom* [Complex Concept of Good Faith: Correlation with the Doctrine of Misuse of Right]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2012. Issue 10 (109). Pp. 107–115. (In Russ.).

78. Yarkov V. V. *Yuridicheskie fakty v civilisticheskom processe* [Legal Facts in the Civil Process]. Moscow, 2012. 608 p. (In Russ.).

79. *Critical Discussion by Justus Wilhelm Hedemann (Die Flucht in die General Klauseln Eine Gefahr für Recht und Staat)*. 1993. 10 p. (In Eng.).

80. Larenz K. *Lehrbuch des Schuldrechts. Vol. 1. General Part*. Munich, 1987. P. 127. (In Germ.).

81. Maine H. *Ancient Law*. London, 1861. P. 340. Op. cit.: *Methods of Development of Positive Law and the Public Importance of Lawyers from Glossators to the End of the 18th Century*. Study by A. Stoyanov. Kharkov, 1862. 304 p. (In Eng.).

82. *Principles of European Contract Law. Parts I and II*; ed. by O. Lando, H. Beale. The Hague; London; Boston, 2000. (In Eng.).

83. Schermaier M. *Bona Fides in Roman Contract. Good Faith in European Contract Law*; ed. by S. Whittaker, R. Zimmermann. Cambridge University Press, 2000. (In Eng.).

84. Zimmermann R. *The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Juta & Co Ltd., Kluwer, 1992. P. 675. (In Eng.).

85. Zimmermann R., Whittaker S. *Good Faith in European Contract Law*. P. 30. (In Eng.).